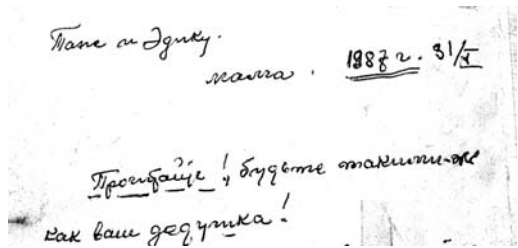

От составителя

Тане и Эдику.
Мама, 1987г. 31 января

**Прочитайте!
Будьте такими же,
как ваш дедушка!**

Этот сборник посвящается 130-летию со дня рождения Эдварда Александровича Гюллинга.

Здесь собрано небольшое количество статей, посвященных памяти Э. А. Гюллинга, которые были напечатаны в свое время в газете «*Neuvosto-Karjala*» и в книге Яаакко Ругоева «*Polku rohjusta-massa...*» на финском языке.

Имя Эдварда Александровича Гюллинга известно не только в Финляндии, но и в Карелии, где он много сделал для развития народного хозяйства и культуры.

Э.А.Гюллинг несколько раз участвовал в переговорах с русскими относительно судьбы Финляндии, играл одну из центральных ролей при заключении договора между Советом народных уполномоченных Финляндии и правительством Советской России.

В настоящее время об Э. А. Гюллинге издано много книг на финском языке, а на русском языке их практически нет.

Перевод на русский язык статей, включенных в данный сборник, был выполнен Фанни Еленой Гюллинг (дочерью Э.А.Гюллинга) в 1987 году для того, чтобы ее дети, внуки, правнуки,

которые не овладели финским языком, смогли их прочитать, узнать поближе о судьбе своего деда, прадеда и прапрадеда.

Дополнительно к переведенным статьям здесь впервые публикуются фотографии детей, внуков, правнуков и праправнуков Эдварда Александровича Гюллинга, которые бережно хранят память о нем в своих сердцах.

Уверена, что судьба этого неординарного человека интересна не только его родным и близким людям. Надеюсь, что в дальнейшем книг на русском языке об Эдварде Александровиче Гюллинге появится больше.

Выражаю большую благодарность родственникам за активное участие в подготовке данного издания, особенно Елене Емельянович, Ирине Кондратьевой, Светлане Рантала, Здуарду Флейтлих.

*Татьяна А.Кондратьева –
внучка Э.А.Гюллинга,
г. Иркутск, 2011г.*

Эдвард Гюллинг¹

30.11.1881 - 14.06.1938 гг.

Эдвард Александрович Гюллинг родился в Финляндии в г. Куопио в семье инженера 30.11.1881г. В 1903 г. окончил университет в г. Хельсинки по специальности политическая экономия и статистика. Занимался изучением жизни сельского трудового населения Финляндии. В 1909 г. получил степень доктора философии за работу "Основные черты развития института торпари во время шведского владычества в Финляндии". 1910-1918гг.- доцент университета в г. Хельсинки.

С 1904 г. - член социал-демократической партии Финляндии. С 1908 по 1918 гг. - депутат финляндского парламента от социал-демократической партии. С 1913 по 1918 гг. - член ЦК этой партии.

Во время рабочей революции 1918 г. в Финляндии - член революционного правительства, народный комиссар по делам финансов, начальник штаба Красной Гвардии.

После поражения пролетарской революции в Финляндии Э. Гюллинг эмигрировал в Швецию, г. Стокгольм, работал в Скандинавском бюро III Коммунистического Интернационала, принимал активное участие в организации кампании против блокады Советской России Антантой.

В 1920 г. по личному желанию выехал на работу в Советскую Россию. В июне 1920 г. Э. Гюллинг был назначен советским правительством председателем Революционного Комитета вновь созданной Карельской Трудовой Коммуны (КТК). В феврале 1921 г. избран председателем Исполкома КТК. В 1923 г. в связи с преобразованием

¹ Электронный ресурс. Режим доступа:
http://www.rkna.ru/index.php?option=com_content&task...

КТК в Карельскую АССР избран председателем Совета Народных Комиссаров республики, занимал этот пост до конца 1935 г.

В конце 1920 г. - начале 1921 г. Э.А. Гюллингом была разработана программа развития Карелии, основанная на ее экономической автономии. Программа была поддержана В.И.Лениным и утверждена правительством. В результате ее осуществления Карелия к концу 1920-х годов достигла значительных успехов в развитии народного хозяйства и культуры. В конце 1920-х - начале 1930-х гг. экономическая автономия Карелии была отменена центральными органами власти.

В 1935 г. Э.Гюллинг был обвинен в буржуазном национализме и снят с поста председателя Совнаркома. В 1936- 1937 гг. работал научным сотрудником института мировой экономики в Москве. 17 июля 1937 г. арестован. 14 июня 1938 г. как враг народа приговорен к смертной казни. В тот же день расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

В Национальном архиве Республики Карелия хранится значительный комплекс документов, отражающих многостороннюю деятельность Эдварда Гюллинга в Карелии и за ее пределами по следующей тематике:

1. Детские и юношеские годы в Финляндии.

2. Научная работа.

3. Э.Гюллинг и создание национальной автономии карельского народа: организационная работа по оформлению Карельской Трудовой Коммуны (КТК), по созданию постоянных органов власти, по расширению политической самостоятельности области, преобразованной в 1923 г. в Карельскую Автономную Республику.

4. Э.Гюллинг и экономическое развитие Карелии:

- научное обоснование и проведение в жизнь политики экономической автономии Карелии;
- организация работ по строительству Кондопожской ГЭС и бумажной фабрики, по освоению районов, прилегающих к

Мурманской (Октябрьской) железной дороге, по развитию горной, лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности;

- разработка системы по развитию сельского хозяйства края: создание банковского кредита, развитие сети кредитной и сбытовой кооперации, понижение размеров налогов, взимаемых с крестьян.

5. Международные связи Карельской Трудовой Коммуны и Карельской Автономной Республики в 1920-1935 гг.:

- экономические связи с Финляндией, США, Канадой, Германией;
- создание концессий с иностранными фирмами;
- деятельность фирмы Репола-Вууд;
- использование труда иностранных рабочих в промышленности края.

6. Э.Гюллинг и развитие культуры, народного образования и здравоохранения в республике.

7. Личная переписка Э.Гюллинга.

8. Э.Гюллинг и Карельская егерская бригада.

Фотографии:

Эдварда Гюллинга. Усадьба Калмаа близ г. Икаалинен.

Имение родителей Э.Гюллинга, где прошли его детские и юношеские годы. 80-е гг. XIX века.

Э.Гюллинг во время учебы в лицее. 1900 г., г. Ювяскюля.

Свадебная фотография Фанни Акрен и Эдварда Гюллинга.

Венчание состоялось в церкви г. Икаалинена 14 июня 1906 г.

Мандат о назначении доктора философии Э.Гюллинга членом революционного правительства Финляндии и уполномоченным по делам финансов 8 марта 1918 г.

Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 27 июня 1923 г. о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны в Карельскую Автономную Республику и о включении Э.Гюллинга в комиссию по разработке Конституции республики 29 июня 1923 г.

Письмо правления концессии "Репола-Вууд" Э.Гюллингу об условиях торговли лесом с Карелией. 31 августа 1925 г.

Письмо Э.Гюллинга Ф.Поттоеву об основных направлениях карелизации Лоухского района. 2 марта 1928 г.

Письмо Э.Гюллинга матери в связи с ее 70-летием. 4 февраля 1929 г.

Постановление III сессии ЦИК Карельской АССР об освобождении Э.Гюллинга от обязанностей председателя Совета Народных Комиссаров Карельской АССР. 5 ноября 1935 г.

Книга, посвященная памяти Э.Гюллинга, изданная в Финляндии в 1991 г.

***Материал подготовлен ст. научным сотрудником
Национального архива Республики Карелия Петричевой И. С.<
Предыдущая***

Обновлено 10.04.2009 14:34

Договор²

Об укреплении дружбы и братства между РСФСР и
Финляндской Социалистической Рабочей Республикой
1 марта 1918 г.
(Изложение)

Советско-финляндские переговоры об осуществлении акта о признании независимости Финляндии и установление государственных границ Финляндии с Россией

Практические мероприятия, предусмотренные в Постановлении СНК по отделению Финляндии от России, не успели осуществиться образованием паритетной советско-финляндской комиссии. В ночь с 27 на 28 января 1918 г. в Финляндии произошла рабочая

²Электронный ресурс. Режим доступа:
http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180301ru_fin.php

революция. 29 января было создано правительство СФУ (Совет народных уполномоченных), и началась гражданская война, так как правительство П.Э.Свинхувуда, заключившее договор с Германией, призвало немецкие войска в Финляндию.

Русские власти в Финляндии официально поставили правительство Свинхувуда еще 27 января в известность, что "Россия будет соблюдать нейтралитет и не вмешиваться во внутренние распри в Финляндии". Тем не менее, белое правительство не приняло во внимание это заявление, начало нападать на русские гарнизоны в Финляндии и заявило о необходимости в союзе с Германией присоединить к Финляндии - Российскую Карелию и Кольский полуостров. Буржуазное правительство бежало из столицы Финляндии - Гельсингфорса, а также вошло в тесные внешне-политические и военные отношения с Германией, которая находилась фактически в состоянии войны с Россией, поэтому Советское правительство вступило в переговоры об осуществлении мер по независимости Финляндии с правительством СФУ и заключило с ним договор о нормализации русско-финляндских отношений.

Договор между Российской и Финляндской Социалистическими республиками.

Русско-финский договор об установлении границы и мирных отношений 1918 г.

Дата подписания: 16 февраля (1 марта) 1918 г.

Место подписания: г. Петроград, Смольный.

Язык документа: Составлен на русском и финском языках в 2 экз.

При разногласиях в толковании текста вопрос решается третейским судом.

Состав договора: Двадцать (20) статей.

Вступление в силу: С момента подписания уполномоченными обеих сторон.

Уполномоченные сторон:

От России:

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич, председатель Совнаркома,
Джугашвили (Сталин) Иосиф Виссарионович, нарком по делам национальностей,
Прошьян Проша Перчевич, член ВЦИК, член ЦК ПЛСР,
Троцкий Лев Давидович, нарком по иностранным делам.

От Финляндии:

Гюллинг Эдвард Отто Вильгельм, вице-председатель СНУ (вице-премьер),
Токой Анги Оскари, член правительства СНУ.

Условия договора:

Территориальные

1. РСФСР передает ФССР³ территорию области Печенга (Петсамо) на Севере, если на это согласится местное население.
2. Российско-финляндская граница в районе Финского залива, на Карельском перешейке точно определяется особой подкомиссией, в нее вносятся изменения, но еще до работы подкомиссии, немедленно. Финляндская СРР передает Советской России в собственность территорию форта Ино (Инониеме).

Военные

1. Финляндская СРР содействует выводу из Финляндии военных сил России (сухопутных и морских).

Экономические

1. Россия передает Финляндии право на все имущество Российской империи, расположенное на территории Великого княжества Финляндского.

³ФССР - Финляндская Социалистическая Рабочая Республика.

2. Финляндия передает России право на финляндское имущество на территории Советской России.

3. Три телеграфные линии (№ 13, 60, 42), связывающие Петроград со Стокгольмом, Ньюкастлём и Фредерицией, и линия Петроград-Вартниemi-Александровск (Мурманск), а также три кабеля прямого сообщения от г. Нюстада (Усикаупунки) до Швеции через Аландские острова, остаются за Российской ФСР, на правах экстерриториальности в течение 50 лет.

Транспортные

1. Торговым судам сторон на взаимной основе обеспечивается пропуск во все морские и речные гавани.

2. Между Россией и Финляндией устанавливается беспересадочное и бесперегрузочное ж.-д. движение.

Правовые

1. В развитие этого договора подкомиссия выработает подробные соглашения по вопросам оценки передаваемого сторонами друг другу имущества, а также по вопросам точной линии границы и условий каботажного судоходства.

2. Все разногласия по данному договору и подробным последующим соглашениям, принятым в его развитие, будут решаться третейским судом, председатель которого будет назначаться правлением Лево́й социал-демократической партии Швеции, в Стокгольме.

Примечание:

Договор фактически не был осуществлен в связи с двумя событиями: Брестским миром 3 марта и победой контрреволюции в Финляндии 5 мая 1918 г. формально существовал один месяц (апрель).

Использованы материалы из книг: Похлебкин В.В. «Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах». Выпуск II. «Войны и мирные договоры» Книга 3: «Европа в первой половине XX века». Справочник. М. 1999 г.

«Neuvosto-Karjala» om 01.12.1968
Ко дню 50-летия республики
(Tasavallan 50-vuotispäiväksi)

Ученый и государственный деятель

(Tiedemies ja valtiollinen toimihenkilö)

Автор этой статьи Юхо Кустаа Лехтинен родился в Ераярвелла Хаме (Eräjärvellä Hämeessä). Он с 13 лет работал в Тампере на фабрике льна. Потом учеником металлурга. Его основная профессия металлург. Присоединился к рабочему движению в 1899г., в Тампере стал социал-демократом в 1901г. Молодым рабочим был на заработках в Швеции и участвовал в борьбе рабочих. Во время революции 1905г. участвовал в транспортировке оружия на Средиземное море и был арестован жандармами. Участвовал в создании социал-демократического молодежного союза в 1907г. в Финляндии. В 1908г перешел на работу в редакцию социал-демократической газеты – «Рабочий» (Työmiehen) сначала в качестве корректора, потом издателя. В 1917г. был выбран в парламент.

Во время революции 1918г. Лехтинен работал в продовольственном управлении. После поражения красных (коммунистов) переехал в Советский Союз. Был, в том числе, комиссаром в лагере беженцев Buissa. Участвовал в 1918г. в основании финской коммунистической партии, в 20-х годах стал одним из ее руководителей. Потом работал в Советском Союзе преподавателем в университете народных меньшинств запада и в 30-х годах редактором журнала «Коммунист» в Ленинграде.

Статья Лехтинена, которая здесь напечатана немного в сокращенном виде, взята из журнала «Коммунист» №16 за 1931г. в связи с 50-летием Эдварда Гюллинга.

Жизнь тов. Гюллинга в большей части состояла из труда и борьбы за освобождение рабочих и крестьянства от гнета и грабежа капиталистами. Последние десять лет его жизни

проходили в первых рядах практического строительства социалистического общества.

Эдвард Отто Вильгельм Гюллинг родился в Куопио (Kuopiossa) 30 ноября 1881г.

Его отец был инженером и мать тоже из интеллигенции, оба из финских шведов. Школу тов. Э.А. Гюллинг проходил сначала в Выборге, а потом в Ювяскюля (Jyväskylä), где он в 1900г. стал студентом; в 1903г. он стал кандидатом философии и доктором философии в 1909г. Его докторская диссертация была о главных чертах развития торпарского движения в Финляндии во время господства Швеции. Особенность диссертации была в том, что диссертант не остановился на традиционном абстрактном перечислении фактов, а в произведении приводится образование частного капитала, история крупного земледелия Финляндии и образование классов. Именно поэтому его труд стал одним из справочников в практической политике старой социал-демократической партии Финляндии в борьбе за освобождение торпарей. (*Торпари - безземельные крестьяне, которые нанимали землю у помещиков с оплатой деньгами или натурой или отработкой*). Власти намеревались, пригласив в 1910г. Э.А. Гюллинга доцентом Хельсинского университета, купить и приручить молодого способного исследователя и деятеля рабочего движения и превратить его в защитника буржуазного общества, но эти намерения не осуществились.

В университете Э.А. Гюллинг занимался статистикой. Одновременно он служил в главном государственном статистическом управлении управляющим Хельсинской городской статистической конторы. Работа «за хлеб» не мешала Э. А. Гюллингу принимать активное участие в борьбе за права рабочего класса.

Уже во время забастовки 1904г. Э.А. Гюллинг организовал сбор помощи борющимся забастовщикам. В том же году Э. А. Гюллинг, О.В. Куусинен и Ю. Сирола основали в Хельсинки социалистическое студенческое общество.

В 1905г. он вступил в социалистическую партию.

В революционные дни, когда волны восстания в Финляндии поднимались высоко, Э.А. Гюллинг активно участвовал в этих событиях. Во время всеобщей забастовки в 1905г. он был командиром отделения красной гвардии Хельсинки. Особо нужно отметить его участие в основании газеты "Socialistisen Aikakauslehden" («Социалистическая современная газета»). В 1905-1908 годах он был первым редактором, а потом активным членом редакции. Это издание, как единственная теоретическая газета того времени, имело большое значение. Э.А. Гюллинг писал в газету многочисленные исследовательские статьи, главным образом по аграрному вопросу, и особенно, о положении торпарей.

Известно, что благодаря не только революционному подъему в России в 1905 году, но также и благодаря собственному рабочему движению Финляндия утвердила в 1906г. народный парламент. Начиная с 1908г. и вплоть до революции рабочих Финляндии, Э.А. Гюллинг был представителем социал-демократической партии в парламенте. В парламенте его основными задачами были вопросы о земле и финансах. В 1917г. он также был председателем уполномоченных государственного банка Финляндии.

С начала рабочей революции в Финляндии Э.А. Гюллинг принимал активное участие в руководстве революцией. Будучи выбранным парламентом в верхнее руководство финским банком, он перевел банк на службу рабочей революции.

Тов. Э.А. Гюллинг работал уполномоченным финансами революционного правительства и надо считать его заслугой то, что банк Финляндии хорошо работал во время революции.

Во время рабочей революции в Финляндии под председательством товарища Э.А. Гюллинга было заключено соглашение между Советом уполномоченных Финляндии и Советом народных комиссаров Советской России об отношениях между республиками. Это было первое соглашение между социалистическими республиками.

Из-за поражений на фронтах Совет народных уполномоченных переехал в Выборг. Эдвард А. Гюллинг стал начальником штаба

Красной гвардии. Он руководил последними боями Красной гвардии и особенно защитой Выборга до конца. Когда в апреле 29-го мясники (*белогвардейцы*) захватили Выборг - последний оплот революции в Финляндии, Э.А. Гюллинг спустился в подвал одного из домов, где прятался около недели, пока его храбрые товарищи - рабочие сумели организовать ему подземное жилье. В течение месяца, после поражения революции, он был в Выборге и мог лично проследить кровавую месть палачей лахтари (*мясников- lahtariyövelien*), которую они вершили с неслыханной жестокостью по отношению к побежденным сыновьям и дочерям рабочих. Из Выборга он переехал в Хельсинки и, наконец, осенью 1918г. сумел бежать в Швецию.

Прибыв туда, он немедленно вступил в коммунистическую партию Финляндии, которая к этому времени была создана. Во время пребывания в Швеции он изучал развитие мирового капитализма, но революция рабочих и крестьян России против эксплуататоров в собственной стране и всех империалистов земли была ближе сердцу тов. Э.А. Гюллингу и со всей своей энергией и умением он трудился во имя ее победы. После того, как вначале 1920г. красные бойцы разбили вторгшиеся в Карелию финские и английские отряды мясников (*белогвардейцев*) и прогнали их обратно, обливающих кровью, встал вопрос о создании национальной Советской республики в Карелии. Центральный комитет Российской коммунистической партии попросил тов. Э.А. Гюллинга участвовать в осуществлении данного мероприятия. Когда Э.А. Гюллинг узнал об этом, он сразу же отправился в путь и, после многих приключений в начале мая 1920 года прибыл в Советский Союз.

Сразу после прибытия в Советский Союз он получил приглашение прибыть к Ленину.

Потом началось создание Карельской Трудовой Коммуны. Уже через месяц Коммуна была создана. Э.А. Гюллинг стал председателем революционного комитета Карелии. Началось восстановление Карелии от разрушений, причиненных грабительскими нашествиями царизма и империализма. В то же время с оружием в руках пришлось бороться против

возобновившихся грабительских налетов белофиннов, последние из которых были ликвидированы в 1922 году.

Только после этого в Карелии начались горячие дни созидательного труда, эра восстановления и новостроек. Карелию создавали как самостоятельную республику. В этот период преобразования Карельской Коммуны в Карельскую социалистическую республику организаторские способности тов. Э.А. Гюллинга проявились полностью и дали заметный результат.

В июле месяце 1923г. Всероссийский исполком и Совнарком издали закон о расширении самостоятельности Карелии и о создании республики. В августе того же года в Петрозаводске было проведено торжественное собрание депутатов советов всей Карелии. Собрание депутатов приняло решение об образовании республики и выбрало ее председателем тов. Эдварда Александровича Гюллинга.

Так государственные мероприятия дали заметный толчок работе, которую проводили с целью поднятия хозяйства и культуры Карелии с того нищенского уровня, в который ее привели благодаря политике гнета, царизма и многочисленных грабительских налогов империалистов. После этого подъем промышленности и сельского хозяйства осуществлялся в очень быстром темпе. Одновременно со строительством новых заводов закладываются новые отрасли промышленности, развивается и поднимается на все более высокий уровень сельское хозяйство путем коллективизации. Поднимается материальная культура и одновременно с помощью очень быстро расширяющейся многообразной сети школ поднимается общий уровень культуры Карельского населения. Национальный пролетариат растет как численно, так и качественно и день ото дня развивается инициатива масс в выполнении задач социалистического строительства.

Всем известно также, что эта работа выполняется, и к настоящему времени достигнуты большие результаты, и новые задания будут так же выполнены под руководством коммунистической партии Советского Союза. Карелия благодаря правильной национальной политике уже многого достигла, и в

ближайшее время быстрыми темпами перейдет технический уровень наиболее развитых капиталистических стран.

Участие тов. Э.А. Гюллинга во всем материальном и культурном развитии значительно. Мы не пытаемся перечислить всего, где и что он сделал, не пытаемся это делать. Скажем все же, что Э.А. Гюллинг участвовал во всех важнейших делах, касающихся развития и подъема Карельской социалистической республики, в их реальном осуществлении. Во всех своих делах он твердо стоял за главную линию ленинской политики, проводимой СКП (Б), и это было главной гарантией, что намеченные цели будут достигнуты наилучшим образом.

Э.А. Гюллинг последние десять лет был на ответственной работе, на горячей стройке восстановления Карелии, и работал не щадя своих сил, на этом посту, но от его постоянного внимания не выпала борьба всемирного пролетариата против капитализма и ближе всего для него была борьба пролетариата Финляндии.

J.LEHTINEN

(Ю.К. Лехтинен)

Газета « Neuvosto-Karjala » №138 от 25.11.1981

Tulisieluinien vallankumousmiehen,

(E.A. Gyllingin syntymän 100-vuotispäiväksi),

Nikolai Minin, Karjalan ASNT:n

keskusarkiston johtaja

Пламенный революционер

К 100-летию со дня рождения Э.А.Гюллинга

С глубоким уважением мы вспоминаем идейных товарищей Ленина, большевиков, героев пролетарской революции и строителей дорог социализма. Одним из них был верный сын рабочего класса Финляндии и энергичный деятель Советской Карелии – Эдвард Александрович Гюллинг.

Эдвард Гюллинг родился в Куопио (Kuopiossa) 30 ноября 1881 года в семье инженера - железнодорожника. Он окончил лицей в 1900г. и потом учился в университетах Хельсинки и Берлина. В 1909г. он защитил диссертацию на доктора философии и лицензиата статистики.

Как заметил А.В. Шотман, в свое время у молодого ученого были прекрасные перспективы в буржуазном государстве, но он присоединился к революционному движению и служил делу рабочего класса.

Э.А. Гюллинг был организатором социалистической группы учащихся Хельсинки. В 1904г. он вступил в социал-демократическую партию Финляндии, был главным редактором социалистического журнала и активно участвовал в революционных событиях 1905-1907гг., будучи командиром отделения красной гвардии Хельсинки.

Преследуемый правительством царской России, большевик Л.В. Красин в 1908г. использовал квартиру Э.А. Гюллинга в качестве своего убежища. Десять лет Э.А. Гюллинг был депутатом парламента. Его организаторские способности выявились лучше всего во время событий рабочей революции в Финляндии в 1918году. Э.А. Гюллинг был депутатом, отвечающим за финансы революционного правительства.

Буржуазия Финляндии с помощью немецких интервентов стремилась всячески удушить революцию. В апреле 1918г. Э. А. Гюллинг стал главой штаба красной гвардии и был одним из руководителей защиты Выборга. После того как революция в Финляндии потерпела поражение. Э.А. Гюллинг перешел на подпольную работу и впоследствии перебрался в Стокгольм (Tukholmaan).

Начиная с 1920г., Э.А. Гюллинг служил в Советской Карелии. Карельская Трудовая Коммуна родилась благодаря его усилиям. Он был убежден, что если Карелии будет предоставлена автономия, то она сможет победить экономическую разруху, так как созидательная работа масс активизируется.

Об этом Э.А. Гюллинг говорил с В.И. Лениным. Как Юрио Сирола подтвердил в своих воспоминаниях, В.И. Ленин слушал внимательно и видел перед собой человека действия, у которого хорошие идеи и который готов их осуществить не жалея всех сил.

Всероссийский Исполнительный Комитет решил основать Карельскую Трудовую Коммуну на территории Р.С.Ф.С.Р.

8 июня 1920г. в качестве временного главного правления был основан революционный комитет, руководителем которого был назначен Э.Гюллинг. Всероссийский исполнительный комитет поручил ему созвать съезд делегатов Карельской Трудовой Коммуны.

Эдвард Гюллинг неоднократно встречался с Лениным и беседовал с ним о важнейших проблемах экономики Карелии. Так в конце декабря 1920г. председатель революционного комитета Э. А. Гюллинг рассказал Ленину о важнейших направлениях плана развития Карелии.

Вспоминая позже этот разговор, Э. А. Гюллинг написал: « Мы говорили об основании бумажной промышленности в Карелии и о строительстве электростанции. Ленин послал меня к товарищу Кржижановскому, с которым я и согласовал строительство Кондопожской электростанции».

В апреле 1921г. Э. А. Гюллинг снова был на беседе с Лениным. 26 апреля Совет Труда и Оборона, который проходил под руководством В.И. Ленина, согласовал решение о широком использовании природных богатств местности.

Создание Карельской Трудовой Коммуны происходило в особо трудное международное и внутривластное время. Как следствие империалистической и гражданских войн экономическое положение местности было основательно разрушено. Трудности добавляли злоумышленные действия буржуазной Финляндии и в особенности набеги белофиннов осенью 1921г.

По всей Карелии создали социалистические революционные комитеты, которые организовали отпор набегам врага. Высшим органом власти на территории Карелии был военный революционный комитет Карелии и Мурманской области во главе с

тов. Э. А. Гюллингом. По мнению командующего фронтом Карелии тов. А.И.Седякина, Э. А. Гюллинг руководил умело и, совместно с командирами красной армии, удалось поднять все силы на разгром враждебных войск. В феврале 1922г. все захватчики были прогнаны из Советской Карелии.

Набеги белофиннов в 1921г и в 1922г значительно ухудшили экономическое положение в Карелии, которое и раньше было очень тяжелым из-за разрушений, нанесенных интервенцией в 1918-1920 годы. Э. А. Гюллинг начал энергично усиливать местные органы власти, развивать народное хозяйство и культуру, поднимать жизненный уровень населения.

Карельскую Трудовую Коммуну в июле 1923г. переименовали в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Эдвард Гюллинг стал первым председателем Совета народных комиссаров республики. Его организаторские способности и одаренность, как государственного деятеля на этом посту, проявились ярче прежнего.

Жизнь в Карелии постепенно налаживалась. К 1925г. трудящиеся республики подняли хозяйство на высокий уровень.

Эдвард Гюллинг, А.В. Шотман, И.А. Ярвисало, И.Т. Мяки, А.Н. Лесков, И.А. Данилов, С. Т. Гурьев и Н.В. Архипов проводили большую организационную работу по развитию Карельской республики

В январе 1929г. была введена в строй Кондопожская ГЭС, в марте Петрозаводская слюдяная фабрика и в июле первая очередь Кондопожской бумажной фабрики. В письме, отправленном в апреле к Г.М. Кржижановскому, Э. А. Гюллинг поднял вопрос о строительстве второй очереди Кондопожской гидроэлектростанции.

Годом позже, в своем письме в Совет народных комиссаров СССР и в управление ГОЭРЛО, Э.А. Гюллинг просил ускорить работу по использованию энергетических ресурсов реки Уику и о строительстве алюминиевого завода в Карелии.

В августе 1933 года приняли в эксплуатацию Беломоро-Балтийский канал, за строительством которого наблюдала комиссия под руководством Э. А. Гюллинга.

Э. А. Гюллинг поддерживал проведение широких геологических изысканий в Карелии. Значительные усовершенствования были реализованы в лесной промышленности. Основательные социальные и хозяйственные изменения проводились в сельскохозяйственной местности. Культурная жизнь Карелии существенно изменилась к лучшему по сравнению прежней.

Наши архивы подтверждают, что Э.А. Гюллинг встречался и был в переписке с известными деятелями нашей страны, в том числе, с М.И. Калининым, С.М. Кировым, В.В.Куйбышевым, Г.К. Орджоникидзе, И.Е. Рудзутаком, А.Д. Чурупой и Г.М. Кржижановским.

В июне 1935г. Эдвард Гюллинг сопровождал делегацию уполномоченных республики в Москву в связи с торжествами 15-летия основания Карельской Трудовой Коммуны. Делегацию принимал председатель президиума центрального исполнительного комитета СССР тов. М.И. Калинин. Ему рассказали о достижениях республики за 15 лет.

Своим неустанным трудом Э. А. Гюллинг завоевал общее одобрение и его уважали как простые рабочие, так и государственные деятели республики. Его везде встречали как уважаемого гостя, люди ему откровенно рассказывали о своих намерениях и заботах. Он привлекал к себе людей своей партийной принципиальностью, скромностью и исключительной доброжелательностью.

Эдвард Александрович Гюллинг был членом Всероссийского центрального исполнительного комитета. Его неоднократно выбирали делегатом Всероссийского съезда советов. Он был делегатом 17-го съезда партии.

20 апреля 1931г. Эдварда Александровича Гюллинга наградили орденом Трудового Красного Знамени.

30 ноября 1931г. товарищи тепло поздравляли 50-летнего юбиляра. Прибывший на торжество Александр Шотман говорил о нем с большим теплом. Юбиляр получил многочисленные поздравления, в том числе, от Совета народных комиссаров СССР Сергея Мироновича Кирова, Отто Вильгельма Куусинена,

центрального комитета Финской коммунистической партии, а так же от многих предприятий и коллективов организаций Карелии.

Таков был Эдвард Гюллинг. Он действительно много сделал для развития народного хозяйства и культуры Карелии.

Имя революционного борца за дело народа покрыто славой и навечно записано в историю нашего края.

***Nikolai Minin, Karjalan ASNT:n
keskusarkiston johtaja***

*(Николай Минин, Карельская АССР,
директор центрального архива)*

*Газета «Neuvosto-Karjala» за
14.03.1984г.*

Elämä jatkuu, Kerttu Osipova

Жизнь продолжается

Автор Kerttu Osipova

(бывший главный врач Петрозаводской городской больницы)

Я с интересом прочитала написанный в газете «Neuvosto Karjala» рассказ Яакко Ругоева «Посев» о жизни революционера Эдварда Гюллинга и его деятельности в Советской Карелии. В связи с этим я вспомнила, что была школьным товарищем Лены Гюллинг и расскажу здесь мои воспоминания о прошлом.

Мои воспоминания о семье Эдварда Гюллинга относятся к периоду моего детства и молодости. Я училась в Петрозаводской финской школе 2–ой ступени, в том же классе, что и младшая дочь Э.А. Гюллинга – Лена. По окончании школы в 1927г. мы поехали в Ленинград продолжать учебу. Лена на инженера, я на врача.

Младший из детей Э. А. Гюллинга - Вальтер так же учился в нашей школе, старшая дочь Майя – в учительской семинарии.

Во время учебы в школе я бывала с Леной у нее дома. Семья Э. А. Гюллинга жила в то время в доме Советов народных комиссаров, в бывшем губернаторском доме, как его в свое время называли. Эти два старых каменных дома, которые окружают площадь Ленина, сохранились до наших дней. Квартира Э. А. Гюллинга была в левом крыле здания (если смотреть на памятник Ленину спереди). К ней с площади вела узкая лестница. Второй вход был со стороны двора. Квартира была небольшая, хотя в семье было трое школьников: две дочери и сын. Обставлена квартира была очень скромно. Посреди комнаты был большой стол, не было ничего лишнего, никакой роскоши. Единственной ценной вещью в доме была рояль. Фанни Гюллинг играла на рояле и детям преподавали музыку, во всяком случае, Лена ходила на уроки музыки. Лена у нас в классе была лучшей по математике и рисованию, эти наклонности ейгодились в будущей профессии инженера. Рисование у нас преподавал известный художник Вельямин Попов. Я помню, что он всегда хвалил способности Лены к рисованию.

Еще раз в своих воспоминаниях возвращаюсь к квартире Э.А. Гюллинга. Я уже сказала, что она была исключительно скромная. Атмосфера в семье была спокойная и очень дружелюбная. Дети росли, следуя хорошему принципу своих родителей. Фанни Гюллинг была интеллигентной женщиной с тонкой душой. В памяти у меня остался один случай. Лена позвала меня к себе и гостеприимная Фанни – тетя пригласила нас обедать. Но никто не начал есть, пока домашняя помощница, как будто по имени Анни, не пришла обедать со всеми. Помню, что Анни что-то делала на кухне и не очень хотела идти с нами есть. Но Фанни-тетя попросила ее по-дружески и она пришла.

Фанни Гюллинг работала в народном образовании и нуждалась в помощи по домашнему хозяйству. Фанни Гюллинг не требовала и не пользовалась ни какими привилегиями, хотя она была женой главы республики. К примеру, она не пользовалась транспортом, который в свое время предоставили ее мужу.

В 1923г. у Эдварда Гюллинга после тяжелой болезни ампутировали левую ногу, и он ходил с протезом. Тогда в его пользовании был мотоцикл и позднее машина. Такими же скромными, как родители были и дети. Ни о каком хвастовстве не было и речи. Их скромность была бы хорошим примером теперешней молодежи.

Расскажу про один веселый случай. В Петрозаводске был тогда финский хор, в котором пели, в том числе, и девочки из старших классов нашей школы. Участницы хора решили поздравить песней Эдварда Гюллинга, когда ему исполнилось 45лет. И вот рано утром в день рождения хор собрался у крыльца квартиры Э.А. Гюллинга. И многоголосно прозвучало «Милый Яакка, милый Яакка просыпайся, просыпайся!» Э.А. Гюллинг, конечно, проснулся, вышел одетым в пальто на крыльцо и тепло нас поблагодарил. Мы протянули ему цветы.

В моей памяти так же остался другой случай. Как-то мы с Леной и другими ученицами мы пошли в бывший губернаторский сад (теперь сад пионеров). Мы очень удивились, увидев лежащую на дорожке сада большую металлическую статую мужчины! Мы тогда еще не знали, но позднее выяснилось, что это был памятник Петру 1, который народ сбросил с постамента. Это было время, когда уничтожали памятники царям. Теперь это прекрасная статуя, которую считают одной из самых лучших статуй Петра Великого, стоит на пристани Петрозаводска и первая встречает корабли, приплывающие в наш город.

По приглашению Эдварда Гюллинга мой отец, Ээро Хаапалайнен приехал в 1920 году на работу в Петрозаводск. Когда определяли город, который лучше всего подошел бы как столица для Карельской Трудовой Коммуны, сначала выбрали Кемь (Kemä) . Э.А. Гюлинг поехал туда с некоторыми другими товарищами. Я знаю, что мой отец тоже участвовал в этой поездке. По приезде домой он рассказал, что ознакомившись с маленьким городком Кемь, они решили, что Кемь не может быть столицей Карелии по многим причинам.

С тех далеких времен у меня в памяти ясно осталось посещение Карелии в 1922г. знаменитым датским пролетарским писателем Мартином Андерсеном - Нексе. Тогда Эдвард Гюлинг позвал к себе моего отца и попросил его сопровождать писателя по Петрозаводску и его окрестностям. Отец рассказывал, что Андерсен - Нексе разговаривал с трудящимися, интересовался их жизнью и благодарил за гостеприимство. Как- то отец сказал, что завтра к нам в гости придет датский писатель Мартин Андерсен - Нексе. Время было тогда очень трудное, не хватало продуктов, и моя мама нервничала. Отец тогда читал лекции в педагогическом училище и получал кое-какую норму. Приготовили обед, и все шло хорошо. Писатель пришел с букетом цветов в руке вместе с отцом. Мама взяла цветы, поблагодарила и сделала ему реверанс. После ухода писателя, я спросила у мамы, почему она сделала реверанс писателю, мама ответила: « из уважения». Мартин Андерсен - Нексе подарил нам свой роман «Пассажиры свободных мест» со своим автографом, но за бурные годы книга потерялась. Мне было тогда 13 лет, и образ писателя остался в моей памяти. Он был среднего роста, энергичный, одет в темный костюм, волосы уже поседел, немного кудрявые. На лице приветливая улыбка.

Отец и мама говорили с писателем по-шведски. Отец рассказывал, что за эту поездку Мартин Андерсен - Нексе подружился с Эдвардом Гюллингом, который пригласил его снова приехать, чтобы увидеть, как развивается и расцветает Карелия.

В 1933г. Мартин Андерсен - Нексе действительно снова приехал в Карелию. Это посещение описано в рассказе Яакко Ругоева «Посев».

Я была у Эдварда Гюллинга после того, как стала врачом. Он по-товарищески беседовал со мной о моей будущей работе и пожелал успехов. Когда Вальтер Гюллинг был в Карелии в 1977г. со своим сыном Эдвардом, они были у меня, и мы целый вечер сидели и вспоминали прошедшие времена. В семьях детей Эдварда Гюллинга в честь деда мальчикам давали имя Эдвард. Вальтер повез своего сына, доктора медицинских наук, профессора Эдварда Гюллинга в Кондопогу, на водопад Кивач в санаторий «Марсиальные воды». В этом путешествии их сопровождала Хилья Хартикайнен, знакомая Вальтера с юности.

Рождение целлюлозно-бумажной фабрики в Кондопоге Вальтеру знакомо с юности. С нее же началась индустриализация Карелии. Основание Кондопожской электростанции и бумажной фабрики связано с именем Эдварда Гюллинга. На открытии гидроэлектростанции в 1929г. был Вальтер Гюллинг. Тогда при посещении он увидел, в какой крупный индустриальный центр превратился бывший маленький поселок.

Более 15 лет тому назад* (**поправка Елены Гюллинг - Кертту ошиблась на 10лет не менее*) была в Карелии Лена Гюллинг со своим сыном Эдуардом, который тогда учился в московском вузе. На Бараньем берегу у летней избушки моя мама, когда мы были у нее в гостях, увидев юношу, воскликнула: «удивительно, но этот

парень - живой Эдвард Гюллинг». Действительно, этот юноша очень похож на своего деда. Он сейчас физик.

Поздравляя меня с новым 1984г., Вальтер Гюллинг писал, что Лена стала прабабушкой – родилось четвертое поколение Эдварда Гюллинга – маленькая девочка Ольга.

Kerttu Osipova
(Кертту Осипова)

*Газета « Neuvosto- Karjala» от 5 ноября
1986г., № 143 jatkuu №144,145
Edvard Gyllingin elämän sivuja
Aura Kiiskisen muistelmista*

Страницы жизни Эдварда Гюллинга

воспоминания Aura KIISKINEN.

30 ноября исполнится 105 лет от дня рождения Эдварда Гюллинга. Этот деятель рабочего движения Финляндии, доктор экономических наук, друг Ленина, был одним из активных основателей автономной Советской Карелии. Он создал тот фундамент, на котором Карельская советская социалистическая республика в эти дни развивается дальше по пути указанному XXVII съездом КПСС.

Эдвард Гюллинг писал в своих статьях о беседах с основателем Советской власти В.И. Лениным по вопросам относящихся к Карелии. Многие писатели нашей республики в своих художественных сочинениях писали об Эдварде Гюллинге. Особенно следует отметить 4-ю книгу Николая Яаккола из серии « На берегу Пиррты Ярви», на «Ясную воду», в заключительных главах которых писатель описывает участие Эдварда Гюллинга в создании Карельской автономной советской республики и о

том доверии, которым Эдвард Гюллинг пользовался среди карельских трудящихся. Об Эдварде Гюллинге пишет Уляс Викстрэм в книге «Торпеда». В книге Яакко Ругоева «Прокладываая пути» есть сцены из жизни Эдварда Гюллинга и его деятельности в Советской Карелии.

Когда я пришла в 1955г. на работу в издательство «Карелия», Аура Киискинен уже была на пенсии, но она до конца своей жизни была в нашей парторганизации. Тогда я, к своей радости, много раз посещала тетю Ауру. Эти посещения были очень результативные. Аура Киискинен всегда рассказывала что-нибудь интересное. В ее комнате, слева от окна, была увеличенная фотография Эдварда Гюллинга. Об этом человеке я услышала от Ауры много запоминающего.

Я ругала сама себя за то, что я тогда не записывала все, что услышала, но спасибо тем друзьям Ауры, которые это делали. Имею в виду, в том числе Кайсу Луотоа и ее заметки, такие, как о «предвыборных речах». «Воспоминания товарищей» и другие воспоминания об Эдварде Гюллинге Аура Киискинен записала на магнитофонную ленту 9 июля 1968г. дома у себя в Петрозаводске, и они изданы в журнале финской коммунистической партии «Коммунист» ко дню 50-летия Ф.К.П. в 1968г. Ленту можно было прослушать на выставке, посвященной торжеству 50-летия финской коммунистической партии (Хельсинки).

Существуют еще воспоминания Ауры Киискинен, записанные Кайсой Луоду в 1967-1968гг. Текст сохранился в архиве Уляса Викстрэм. Ниже его приведу в первоначальном виде читателям газеты «*Neuvosto Karjala*» (без прикосновения к нему карандаша редактора).

Нужно удивляться тому, как ясен и точен текст этих воспоминаний! В особенности если учесть, что рассказывающей было 90 лет. И по стилю в них сразу можно узнать ту же Ауру Киискинен, которую полюбили читатели за ее книгу воспоминаний «За десятилетиями».

Terttu VIKSTRÖM
Писатель

Я знала Эдварда Гюллинга с 1906 года. Мы были в парламенте 10 лет в одно и то же время. Но более близкого (персонального) знакомства с Эдвардом Гюллингом не было, как и со многими другими товарищами по партии. Потом в последние дни гражданской войны я познакомилась ближе и участвовала в совместных действиях. Оказалось так, что народное правительство уже переехало из Хельсинки в Выборг. Эдвард Гюллинг остался в Хельсинки, т.к. он был одним из высших командиров Красной Гвардии. Он стал также и директором банка Финляндии, когда буржуи ушли из банка и оставили его.

Когда я вернулась с фронта в Хельсинки, я узнала, что Совет народных уполномоченных переехал в Выборг. В Совете народных уполномоченных, каким-то образом многие отделы оказались вакантными. В это время встал вопрос о кассире продовольственного отдела. Хотя у Народного правительства уже не было никаких дел, все-таки там еще были разные счета, которые следовало погасить, в том числе революционное правительство в свое время брало из Финляндии сельскохозяйственное оборудование, которое частично было послано в Россию. Так я оказалась по работе в связи с Эдвардом Гюллингом: когда Совет народных уполномоченных уехал, то основному техническому персоналу не было сказано и объявлено, какие у него сейчас обязанности. Они обращались ко мне и спрашивали, что им делать и куда им идти. Посоветовалась с Эдвардом Гюллингом, он попросил, чтобы я созвала технический персонал, и он придет и разъяснит, что делать. Персонал собрали. Эдвард Гюллинг пришел и объяснил, что нет никаких дел для технического персонала, поэтому все свободны, зарплата будет выплачена за время от такого до такого числа. Каждый может устроить свои дела по желанию, т.к. весь технический персонал не смогут перевести в Выборг.

Позже я тоже поехала в Выборг. Точно не помню, в какое время, но Эдвард Гюллинг тоже прибыл в Выборг. Там Совет народных уполномоченных уже готовился переехать в Россию. Постановили, что весь Совет народных уполномоченных переедет. Издавались приказы ответственным лицам, что на таком-то пароходе должны ехать тогда-то и тугда-то. Эдвард Гюллинг считал, что из Совета народных уполномоченных должен кто-нибудь остаться руководить массами до тех пор, пока в Выборге прояснятся дела. Эдвард Гюллинг добровольно согласился остаться, но его как будь-то, не утвердили. Но, когда перешли на корабль, и тот стал отходить от пристани, Эдвард Гюллинг спрыгнул на причал и остался в Выборге.

Немногие мои вещи были у старого знакомого в Вятто и мне разрешили сходить за ними. Отто Вятто был в это время председателем Выборгского городского совета. Я объяснила Вятто, что происходит и предложила ему, чтобы он поехал со мной, т.к. опасность наверняка угрожает ему в такой же степени, как и другим. Отто решительно отказался. Он сказал, что на завтра созван городской совет и на что это будет похоже, если председателя не будет на месте. Вятто начал читать мне мораль по поводу эвакуации и это подействовало на меня так, что я затолкнула свой чемодан под кровать и осталась в Выборге, отстала от корабля.

(Продолжение в газете «Neuvosto-Karjala» №144 за 1986г)

Выборг с каждым днем окружали все больше, и рабочие окраины были уже частично захвачены или горели, как, например, Коликкойнмяки, пригород Выборга, где были маленькие деревянные дома. Оттуда население отступало в город. Беженцы стремились к центру города в поисках защиты в каменных домах и в их подвалах. Первый каменный дом со стороны Коликкойнмяки был дом областного правления, где временно работал Совет народных уполномоченных, и там частично осталась часть его сотрудников. Туда стали собираться женщины и даже мужчины, но преимущественно женщины с узлами и детьми на руках.

Большой недостаток пищи и продуктов питания был везде, но в окруженном Выборге положение было другое. Заказанных Советом народных уполномоченных продуктов было даже много – железнодорожные вагоны, часть из них от Советской России, часть - отечественные продукты и промышленные товары. Сразу возник вопрос – куда они теперь попадут. Некоторые сотрудники Совета народных уполномоченных и участники гражданской войны, бывшие учащиеся технической высшей школы Финляндии также остались в Выборге, как, например, сын Юхани Ахо Хейкки, Матсон, Севелиус и др. Начали думать с этими парнями, что делать с продуктами. Решили перевести их как можно скорее с вокзала в город и раздать их нуждающимся людям. Так к дому областного правления стали прибывать продукты. Хейкки Ахо предложил себя в организаторы и начал их делить. Никто не потребовал денег, особых удостоверений или объяснений. Спрашивали только, сколько детей в семье и в связи с этим каждый получал больше или меньше. Раздавали консервы, пакеты масла, все, что имелось из продуктов.

Среди этих продуктов был один по-особенному упакованный ящик, который обратил на себя внимание. Парни немного приоткрыли крышку и сказали, что там нет ничего годного для дележа. Оказалось, что в этом ящике было эвакуировано имущество ювелирного магазина из гор. Пори. Мы решили, что товар не следует раздавать. На ящик набросали рогожи в знак того, что там нет ничего особенного. Потом возникла проблема, куда его деть, где оставить драгоценное имущество ювелирного магазина «Саха». Договорились, что я пойду в старую крепость Выборга на встречу с Эдвардом Гюллингом и узнаю, что он посоветует. Так я пошла в крепость и встретила Эдварда Гюллинга в совершенно необычном для него виде. Он был в форме красногвардейца с винтовкой на плече. Я объяснила, по какому вопросу пришла, спросила, что делать с таким ящиком. Эдвард Гюллинг предложил отнести его в банк. Нужно ли потребовать от банка квитанцию, что с ней делать? Тут один из рядом находившихся красногвардейцев сделал очень реалистическое предложение об использовании квитанции. Ну, все об этом.

Тогда я увидела Эдварда Гюллинга первый раз после того, как сотрудники Совета народных уполномоченных уехали из Выборга, и сказала: почему ты не уехал со всеми, неужели ты не знаешь своей судьбы, и что скоро белогвардейцы будут в городе. Эдвард Гюллинг посмотрел сначала на свои сапоги, оперся на винтовку, потом пристально посмотрел на меня и сказал: «Я не мог уехать, Я думаю, что кому-нибудь нужно быть здесь до конца и, наверное, ты сейчас и сама заметила, что возникает то одно, то другое, что всегда нужна помощь представителя прежнего Совета народных уполномоченных».

Оказалось, что Эдварда Гюллинг этой ночью был парламентаром у белогвардейцев. Главный штаб красной гвардии, предложил ему обсудить с белогвардейцами вопрос о сдаче города. Он рассказывал, как они там были и о чем там говорили. Они объявили, что красная гвардия сдается без боя, если не будет акции мести или террора по отношению сдавшимся. Эдвард Гюллинг рассказал, что среди совещавшихся был один немецкий офицер высокого ранга и белогвардейцы начали говорить друг с другом на немецком. Когда Эдвард Гюллинг заметил, что разговор не был предназначен к его сведению, он объявил, что он тоже говорит на немецком, совещаться могут на любом языке. Я сказала: « как ты пошел на такое совещание, они же могли пустить тебе пулю в голову». Эдвард Гюллинг усмехнулся немного печально и сказал, что на войне может случиться всякое, но нельзя, же все предусмотреть.

Положение в этот раз было такое, что невозможно было изменить сложившуюся ситуацию. Помещения Совета народных уполномоченных и других учреждений закрывались, и каждый уходил в свою сторону. Эдвард Гюллинг все еще находился в Выборгской крепости, но окружение города продолжалось, и положение час от часу становилось серьезней. Эдвард Гюллинг был в старой крепости Выборга, но и ему пришлось уйти оттуда, когда началась бомбардировка крепости. Враг был близко. С горы Папула стреляли прямо в старую крепость. Эдвард Гюллинг ушел из крепости, но не знал куда идти, оказался на тогдашней улице Катарини. На этой улице Катарини в то время стоял самый большой и современный каменный дом, который называли домус-дом. Когда Эдвард Гюллинг поравнялся с воротами этого дома, ему навстречу вышел Херманни Вятто,

который до этого служил в Красной гвардии в так называемой интендантской продовольственной службе. Он удивленно спросил Эдвард Гюллинга: «Куда, мужик направляешься?» Эдвард Гюллинг ответил: «По правде говоря, собственно не знаю, и цели нет. Тут вот оказался». Вятто говорит ему: «Тебе не очень полезно для здоровья разгуливаться по городу, пойдём-ка в этот дом».

(Продолжение в газете « Neuvosto-Karjala» №145 за 1986г)

В этом доме жил его брат Отто, который раньше был дворником, теперь комендантом. Семья Отто Вятто жила в этом доме, у них была своя квартира и сейчас Херманни Вятто, который был участником революционных событий и был хорошо знаком белогвардейцам, искал убежища у своего брата Отто. Отто тоже имел в глазах белогвардейцев плохую репутацию уже и потому, что он во время революции был председателем Совета народных уполномоченных. Отто недавно пришел домой и вдруг неожиданно Херманн явился с Эдвардом Гюллингом в квартиру своего брата Отто. Тогда в городе было очень плохое положение с продуктами и такое же положение было в семье Вятто. Но Майкки, хозяйка, сказала, что у нее есть картошка и селедка.

Когда картошка варилась, они увидели из окна, что из ворот идут шюцкоровцы, или как они там были, во всяком случае, белогвардейцы - у них были белые повязки на рукавах, и они шли прямо к подъезду Вятто. Было ясно, что они искали Отто Вятто, они не знали о присутствии там Эдварда Гюллинга и Херманна Вятто. На той же лестничной площадке, как и квартира Вятто, жила семья юриста, и у них была в течение многих лет прислуга, которой господа очень доверяли и верили со своей точки зрения. Во время всей гражданской войны они вели себя довольно

спокойно и всегда говорили в присутствии прислуги о намерениях белогвардейцев, об окружении города и об их действиях. Прислуга регулярно информировала Майкки Вятто, что нового она опять узнала. Так и сейчас, когда увидели, что белогвардейцы направляются к квартире Вятто, стал срочный вопрос, куда девать мужчин, и Майкки вспомнила, что у прислуги семьи юриста есть своя маленькая комнатуха. Она срочно пошла, постучала в эту квартиру и попросила, чтобы прислуга взяла бы ненадолго к себе в комнату мужчин. Прислуга открыла дверь,пустила парней в свою комнату и закрыла дверь на замок. Майки вернулась варить картошку, и она была занята простым делом, когда белогвардейцы пришли и спросили, где Отто. Майкки ответила, что не знает, где он, и его не было длительное время дома. Мужчины устроили поверхностный обыск и ушли.

Наступил вечер, и тогда возник вопрос, как проводить ночь. Братья Вятто были оба по профессии бывшие каменщики, они в свое время работали каменщиками на этом доме, знали каждый его закуток и предложили пойти в подвал, в котельную центрального отопления. Туда можно было попасть со двора по лестнице, вниз в приямок. Так эти трое мужчин братья Вятто и Эдвард Гюллинг ушли в котельную. В доме было 2 истопника, молодые мужчины, но по своим взглядам такие, же красные, как и их руководитель Отто Ватто, комендант дома. Все были осторожные, рассказывал позже Херманн, и устроили дежурство на тот случай, если придут осматривать котельную. Через короткое время дежурный объявил: «уже идут»!

Дом был современный - вентиляция в нем была устроена так, что зимой не впускала в комнаты холодного воздуха, а внизу в подвальном этаже было, по слухам, большое хранилище воздуха,

которое подогревалось и туда вели такие большие трубы. Что делать, белогвардейцы идут! Отто знал, его ищут, он никуда не сможет спрятаться, т.к. это может быть опасно, как и для него, так и для других. Херманна Вятто и Эдварда Гюллинга втолкнули в эти трубы.

Белогвардейцы пришли и сказали, что видели, что сюда зашло трое мужчин. «Но, нас тут трое!», сказали мы (Двое истопников и Отто Вятто, которые остались там добровольно). Отто арестовали и увели с собой, вопрос был исчерпан, и так Херманн Вятто и Эдвард Гюллинг остались там в трубе. Ночью они оттуда потом спустились, парни открыли дверки, и они вышли через котельную. Так Эдвард Гюллинг провел несколько суток – может быть два, три дня в таких условиях.

Тут надо напомнить о том, что в то время как в Выборге свирепствовал белый террор, там было двое, говорящих по-шведски работниц, из которых одна, Айно Энберг, служила заведующей хозяйством Выборгского рабочего объединения, а другая, Алма Акерфелт служила до гражданской войны кассиром в кооперативном магазине. На тот момент, конечно, все кассы были закрыты и эти женщины были свободные. Они активно начали охранять подпольщиков. Я, в том числе, была под их опекой, а потом и Эдвард Гюллинг. Его нужно было вывести из подвала и из вентиляционной трубы. Акерфелт откуда-то узнала, что один мастер на стройке говорил сочувственно о том, что следовало бы охранять этих преследуемых красных, т.к. зверство белых стало невыносимым. Они получили комнату у этого мастера и потом там, конечно, Эдварду Гюллингу стало легче, и, как он сам сказал – «удобно». Ему дали маленькую комнату, и хозяйева заботились обо всем. Но Эдвард Гюллинг обратил внимание на то, что хозяйева страшно нервничают, дни и ночи не

спали и, конечно, не без основания. Могло же в любой момент стать известно, что у них находится человек, живущий вне закона.

Эдвард Гюллинг, конечно, сам тоже нервничал за своих хозяев. Хотя и было намечено, что необходима была переправа Эдварда Гюллинга в Хельсинки и дела в этом вопросе шли на лад, Эдварда Гюллинг объявил, что он сдастся, и для этого приготовил длинную защитную речь. Он, видите ли, полагал, что попадет в суд, где он потом предъявит свою защитную речь

* * *

Аура Киискинен раньше рассказывала, что она обращалась ко всем силам неба и ада, чтобы добиться, чтобы Эдвард Гюллинг изменил бы свое решение и, наконец, Эдвард Гюллинг согласился.

Это случилось весной 1918г. Время было трагическое. Эдвард Отто Вильгельм Гюллинг был последним начальником штаба Красной Гвардии Финляндии. Помимо этого он был доктор философии, доцент университета г. Хельсинки, народный депутат, председатель президиума Финской социал-демократической партии, уполномоченным финансами Совета народных уполномоченных Финляндии, председатель банковских уполномоченных банка Финляндии.

*Воспоминания
Terttu VIKSTRÖM, kirjailija
(Тертту Викстрем,
писатель)*

«Neuvosto-Karjala», 13 января 1968г.
Gyllingin lapset rakentavat Neuvostoliittoa
Erkki Kauppi, «Kansan utiset»
lehden Moskovan kirjeenvaihtaja

Дети Эдварда Гюллинга строят Советский Союз.

*Корреспондент газеты «Kansan Uutiset» в Москве
Эрkki Кауппила разговаривал с детьми Эдварда
Гюллинга, которые приехали в Москву на встречу
нового года.*

Интервью недавно было напечатано в этой газете.

Печатаем отрывки.

Сегодня редкая возможность встречи с тремя детьми известного руководителя рабочего движения Финляндии Эдварда Гюллинга: Майей, Хеленой и Вальтером Гюллинг.

Эрkki Кауппила пишет:

Они живут в разных частях Советского Союза и съехались в канун Нового года, чтобы встретиться в Москве. Хотя наша встреча была короткая, я получил убедительную картину об оптимистических людях, которых не сломили труднейшие удары судьбы и не поколебали их веру в социализм.

Сестры и брат говорили чисто и свободно по-фински, не смотря на то, что каждый из них в своем окружении и на работе говорили по-русски. По-шведски разговор идет, пожалуй, еще лучше.

Разговор сначала коснулся воспоминаний.

В 1922г. дети Эдварда Гюллинга переехали в Советский Союз, где они получили образование. Отец Эдвард Гюллинг участвовал во многих заданиях Финской Коммунистической партии и был председателем Совета народных комиссаров Карельской Автономной Республики. В 1937г. он стал жертвой культа личности и был без вины уничтожен. Также и их мать была выслана в изгнание, где умерла в 1944г. С тех пор дети живут в разных частях Советского Союза. В 1955г. отец и мать были посмертно оправданы.

Дети Эдварда Гюллинга с горечью рассказывали о тех годах, которые были для каждого из них величайшим персональным испытанием. Если бы мы не верили, что правда, в конце концов, победит, мы бы не выжили в эти годы.

Как они живут сейчас?

Старшая сестра Майя живет в относительно маленьком городе Шуе Ивановской области. Она осталась без мужа таким же образом, как и отца. В течение десятилетий она работала учительницей, но сейчас она на пенсии. Ее сын Мартти работает мастером на текстильной фабрике.

Хелена строит дома в Удмуртской автономной республике среди финно-угорского населения, в ее столице Ижевск, которая в последнее время выросла в промышленный город более 300.000 жителей. Она работает главным конструктором строительной организации, отвечающей за строительство в республике. Она «руководит» коллективом более 60-и инженеров и техников. В строительстве она работает с 1932 года. В половине следующего года она достигнет пенсионного

возраста. «Не очень хотят меня отпускать на пенсию, там видно будет, как получится, » - говорит она.

У нее двое детей - Эдвард, инженер по самолетостроению, кандидат технических наук живет в Москве и Татьяна, которая живет в центре Сибири в Иркутске. Она сначала хотела стать учительницей математики и три года изучала математику, но потом передумала и решила учиться профессии матери и выучилась на инженера-строителя. Сейчас она занимается строительством объектов в городе Иркутск.

Младший сын Вальтер работает главным инженером строительного управления в старинном городе Тула. За три десятилетия он построил тысячи километров дорог и десятки, а может, и сотни мостов. Его сын, кандидат медицинских наук, работает в Киеве и дочь - машиностроитель в Туле.

Наследники Эдварда Гюллинга - это настоящая семья строителей.

Эрки Кауппила

*Корреспондент газеты
«Kansan Uutiset» в Москве*

Дарственная надпись Яаакко Ругоева
в книге "Прокладывая пути"

Leena Gyllingille
terveisin
Nevosto-Karjalasta
Jaakko Rugojev
Petraskoissa, 12.04.85

Елене Гюллинг с уважением от Яаакко Ругоева
«Новости Карелии», Петрозаводск, 12.04.85

Яаакко Ругоев, Посев

Р $\frac{4702270000-104}{М 127 (03)-85}$ 34 – 85 P82

С (Карел)

© KarJala, 1985

Зарисовки из жизни и работы Эдварда Гюллинга в газете «Советская Карелия»

«Спасибо тебе... Строителю Советской Карелии и организатору непобедимой социалистической революции на Севере!»

Отто Вилле Куусинен и товарищи с поздравлениями к 50 – летнему юбилею.

С его именем тесно связана на всех этапах история Карельской АСНТ. Владимир Ильич Ленин доверил заложить Эдварду Гюллингу первые камни в строительстве Карельской народной республики. По предложению Ленина в 1920 году Эдварда Гюллинга назначают председателем Карельского революционного комитета, в 1923 главой революционного комитета.

За те пятнадцать лет, в течение которых Эдвард Гюллинг под руководством Ленина, развивал экономику и культуру, претворял в жизнь ленинскую народную политику, в жизни Карельского народа произошли заметные положительные сдвиги.

В советской Карелии не выпущено ни одного издания про Эдварда Гюллинга, посвященного его жизни и деятельности, как

известного финского представителя рабочего класса и о его вкладе, как руководителя, в строительство социализма. Конечно, это произойдёт со временем, книгу выпустят, но чем скорее, тем лучше. За границей опубликованы многочисленные статьи, в которых искажено правильное представление об Эдварде Гюллинге.

Эдвард Гюллинг был слишком молод, чтобы оценить как необходима была его работа в советской Карелии, насколько глубокий след оставит она в истории, как будут полезны его знания и умение во многих областях. В те годы Эдвард Гюллинг пользовался огромным авторитетом у тех, с кем работал. Его хватало на всех, он успевал встретиться со всеми, всегда был готов помочь как государственным служащим, так и простым рабочим.

Я в течение 20 лет собирал по крупинкам информацию всей жизни Эдварда Гюллинга. Думаю, что у меня до сих пор нет представления обо всех условиях, в которых из представителя рабочего класса вырос государственный человек интернационального масштаба. Но, спустя десятилетия, после множества встреч, проведенных интервью, изучения работ Эдварда Гюллинга, многочисленных опубликованных статей и воспоминании о нём, у меня сложилось чёткое представление о его неоценимой работе в Карелии. Об этом я уже писал, и буду дальше рассказывать нашей Карелии, о человеке из окружения Ленина, чья личность со временем становится всё прозрачнее и ближе нам.

Целинник

В марте - апреле 1983 г. я гостил в Финляндии. Накануне моего отъезда из отеля вечером мне был вручён пакет. Там было сопроводительное письмо и публикация, подписанная доцентом Эдвардом Гюллингом, выпущенная Народным движением.

Письмо было следующего содержания:

«Писатель Яякко Ругоев.

Посылаем Вам небольшую книгу, мы уверены, что тема, затронутая в ней, Вас заинтересует.

Мы изучили то время, в течение которого Эдвард Гюллинг находился здесь, в Финляндии. Целью исследования было не только написать его расширенную биографию, охватывающую, в основном, период жизни на финской земле, но и уделить внимание периоду в Швеции и Карелии. Поскольку у нас с Вами одна и та же исследовательская работа, мы будем признательны, если Вы найдёте время для короткой беседы с нами. К сожалению, мы только сегодня узнали о Вашем приезде в Финляндию и о том, что сегодня вы уезжаете в Карелию обратно. Оставляем Вам номер телефона и адрес, если вы захотите с нами связаться.

Можете позвонить вечером или утром нам на работу.

*С уважением Тапани Мауранен, кандидат наук
Сакари Хейкинен, кандидат наук»*

Время было уже поздним, и я решил не мешать исследователям звонком на домашний номер, приняв решение позвонить назавтра утром, сам же приступил к чтению оставленной мне публикации.

В первой части - статья авторов Сакари Хейкинен и Тапани Мауранен - Эдвард Гюллинг как финский исследователь и научный деятель от рабочей партии.

Во второй части мы знакомимся с периодом жизни Эдварда Гюллинга с 1909-1937 год. Его работами по изучению Финского движения торпарей, общественной философией системы, теории капитализма в Финляндии, современной политической системой.

В третьей части, библиографической, Эдвард Гюллинг анализирует развитие производства с 1904- 1937 как теоретик и исследователь.

В одно раннее утро я позвонил Тапани Мауранен. На длинную беседу не было времени. Мауранен спросил, как помнят Эдварда Гюллинга в Советской Карелии, были ли опубликованы в послевоенное время его труды и книги о его жизни и деятельности. Я ответил, что подобных публикации и сборников статей было много, что к столетию Эдварда Гюллинга их было особенно много, его автобиография была напечатана даже в государственных изданиях.

В свою очередь я спросил, имеются ли у них материалы, которые пролили бы свет на пребывание Гюллинга в Швеции в 1918 году, после присоединения Финляндии к Советской России.

Тапани Мауранен сказал, что нашёл одно интервью, взятое у Эдварда Гюллинга в июле 1918 года и опубликованное в Швеции в газете Вести на финском языке.

- Могу ли я получить копию этой статьи? - спросил я.
- Мы постараемся успеть, был ответ.
- Я был бы благодарен.

До поезда на Ленинград оставался только один час, когда в дверь позвонили, и в комнату вошел молодой человек, это был Сакари Хейкинен.

Он открыл свой портфель и вынул оттуда копию, три страницы (341 -343) из газеты Вести за 24 июля 1920 года.

Я поблагодарил Сакари Хейкинен и пожелал ему успехов в исследовательской работе.

* * *

За последние годы я много слышал и читал мнений об этом интервью, но полного текста самого интервью я не нашёл нигде, несмотря на все усилия. Никто его не опубликовал.

Этот первоначальный документ, интересный и опустошающий, его невозможно прокомментировать, только привести полный его текст....

...В школу на Кунгсхолмене (Kungsholmenille) можно было попасть только на моторке. Это для Стокгольма свойственное транспортное средство, маленькие моторки, которые ходят целый день туда и обратно, не только на Кунгсхолм, но и в других направлениях. Эти моторки называются "färjan".

Моторки ходят круглый год. В большие морозы ледокол разламывает проход во льду, но, вообще, в Стокгольме климат мягкий.

Летом над озером было много чаек.

Автомобили ходили по Хеленеборгсгатану (Heleneborgsgatania). Помню это потому, что у Вальтера (он только начал ходить в школу) была привычка играть на подоконнике и записывать номера проезжающих машин. Но много их не проезжало. Были ли тогда в Стокгольме автобусы, не помню.

Улица Хеленеборгсгатана была крайней. Она пролегалa вдоль берега, но проходила не у самого берега. Вдоль улицы шел косогор к озеру, на котором был высажен неширокий парк. Там проходила дорога к берегу. Весной, когда распускались листья, молодые деревья сильно благоухали.

Напротив нашего дома не было парка (наш дом был угловой), а только скала, на которой росли деревья, трава и мох. Мы там любили карабкаться. Со стороны улицы скала была вертикально сколота. Позади скалы у берега проходила дорога, а за узким заливом был остров Лангхолмен (Langholmen). На остров можно было попасть по мосту, но мы, дети, часто бегали через залив по тонкому, прогибающемуся льду. Иногда мы приходили на Лангхолмен с отцом, и матерью, и с их знакомыми. На острове

была маленькая пристань и лодочная станция. Потом там был парк или что-то похожее на лесок, (утесы), горы и каменоломни и, где-то, в другом конце острова, тюрьма (о тюрьме я узнала только впоследствии). Были, как будто и несколько дач. Однажды, прогуливаясь по острову, мы увидели ограждения с калиткой, где была надпись « Частная собственность. Вход запрещен».

В нашем районе было два кинотеатра. Помню, что там показывали американские фильмы. Был также каток. На другом острове, не далеко от нас, была аптека.

Вальтер собирал почтовые марки. В редакцию газеты Ф.Д.П. приходило много почты, и мальчик заходил туда каждый день за марками. У него была большая коллекция, были и редкие, в т.ч. и выпущенная Временным правительством Венгерской Советской республики. На стенах отцовского кабинета было много карт, в том числе и Карелии.

Весной, в апреле 1920 года. Э. Гюллинг исчез из поля зрения своей семьи. Дети вспоминают его отъезд по-разному.

Согласно воспоминаниям Майи, тогда в школе как раз начинались весенние каникулы. Мы проводили отца на берег до маленького пароходика. Вспоминаю, мы, дети, не знали, куда он отправляется. Позднее, конечно, мы узнали, что он уехал в Карелию.

Как то Артур Усениус был у нас, и мать отправила с ним маленький пакет отцу. Пакет был обернут в белую бумагу. На нем нельзя было писать полное имя.

Усениус написал «Edi», но мать сказала, что напишет сама, вычеркнула написанное и написала «Eetti» (так она называла отца, это сокращенное имя Эдуарда).

* * *

Мы слышали, что некоторые шведские портнихи, работающие в швейном ателье, из остатков материи шили одежду для детей Карельских детдомов. Они показали маленькую хорошенькую юбку, сшитую из узких полосок ткани.

Не помню, чтобы кто-нибудь рассказывал о поездке отца. Помню только, что услышала случайно, что его везли из Вярде (Värdästä) до Мурманска на рыбацкой лодке.

Будучи у меня в гостях, Вальтер Гюллинг рассказывал, что отец уехал втайне от нас, детей. Мать потом сказала, что отец опять уехал в Норвегию.

Уже, живя в Советской Карелии, в начале 30-х годов, будучи уже взрослым, Вальтер услышал от отца о событиях этой трудной дороги.

Вначале у Э. Гюллинга был шведский гид до границы. Он указал отцу дорогу дальше и сказал: «Дальше уже не могу сопровождать».

В этом месте граница между Швецией и Норвегией проходила по трудно проходимой горной местности. На одном леднике он упал в глубокую расщелину, скрытую снежным наносом, и на некоторое время потерял сознание. Когда он пришел в себя и стал пытаться выкарабкаться оттуда, то он долгое время не мог встать на ноги. Около недели он продвигался на четвереньках и, в конце концов, набрел на пустое зимовье. Здесь, по обычаю, были оставлены дрова, спички и немного еды. Но от попытки продолжить путь в одиночку ничего не получилось. Здесь его и нашли уже через много дней.

В конце концов, он попал на побережье Норвегии. Норвежские рыбаки взялись перевезти Э. Гюллинга оттуда на своей лодке до Мурманска. На морском пути их застала сильнейшая буря. Рыбаки порекомендовали Э. Гюллингу, который был в плохом состоянии, лечь на дно лодки. Храбрые и опытные норвежские мореходцы достигли цели, не смотря на все трудности.

Э. Гюллинг знал лично большинство лидеров Скандинавии, шведов и норвежцев, прежде всего. Есть основание предполагать, что именно они организовали эту, получившуюся такой трудной, дорогу. Позднее Э. Гюллинг встречал их на конгрессе Коминтерна в Москве. Вроде некоторые из них побывали и в Карелии.

Когда Э. Гюллинг немного поправился после дороги, он уехал на поезде из Мурманска в Петрозаводск и оттуда в Москву.

Он верил в крестьянина Карелии.

Будучи в Москве в гостях у Тойни Мякеля, товарища Тойво Антикайнена по труду и жизни, и, рассматривая показываемые Тойни библиографические редкости, я обратил внимание на стоящий на столе необычный письменный прибор. Он был изготовлен из карельской березы. Рядом я заметил маленький деревянный молоток, изготовленный из того же материала. Тойни, наверно, заметила мой внимательный взгляд, потому что взяла молоток в руку и сказала:

-Этим молотком подтверждены окончательно многие решения карельского Совнаркома.

- Это ... молоток Гюллинга?

- Да...»

Мы замолчали на некоторое время. Потом Тойни рассказала, как письменный прибор и молоток попали в окружение книг Антикайнена.

- Можешь взять этот прибор и молоток в Карелию, если хочешь.

- Этим предметам было бы достойное место в музее республики, предложил я осторожно.

- Сделай, как считаешь, как будет лучше. Я взял с собой молоток, чтобы показать его работникам музея. Когда ты, Тойни, приедешь на 50-летие Карельской республики, то привезешь с собой письменный прибор. Тойни Мякеля исполнила свое обещание и на следующее лето, во время торжеств, музей республики получил эти ценные реликвии.

Так молотку Гюллинга пришлось ждать на моем письменном столе около года до того времени, как он попал в музей. Он был выполнен из благородной карельской березы, но время придавало ему вид бывшего употребления, в особенности у ручки вид был даже немного изношенный. Но у молотка все грани были такими, какими они вышли из рук мастера. Я подумал, что, наверно, это тот молоток, который сделал дед Ключин, а не тот молоток, о котором я читал в одной статье, где говорилось о Э. Гюллинге. Этот мастер по дереву из заонежья был особо известен в Карелии в 1920-1930

годах. Когда я смотрел на этот молоточек, в моей памяти возникали многие давние дела, случаи и происшествия, приближая их и заставляя снова их переживать.

Я часто доставал книгу «С Лениным вместе», изданную книжным издательством нашей республики, перелистывал ее и видел на страницах знакомые имена: Шотман, Еремеев Сирола, Тайми, Нуортева, Виртанен, Рахья, Ровио и многие другие. На страницах 198-205 я нашел статью Э. Гюллинга «Первый договор между социалистическими республиками и Ленин» (Финляндия и РСФСР в 1918г) и статью «Ленин нам помогал» откуда вычитал:

«В 1920 г., когда был дан отпор интервентам и нападением белофиннов на Карелию, возник вопрос о создании автономной Карелии. Меня вызвали, чтобы совместно провести в жизнь постановление Советского правительства в этом вопросе. В связи с этим в мае этого же года я был у В.И. Ленина. Владимир Ильич расспрашивал подробно о Карелии и в конце нашей беседы спросил меня, верю ли я в жизнеспособность Карельской Трудовой Коммуны.

Я рассказывал тов. Ленину о природных богатствах Карелии, которые открывают бескрайние возможности для ее развития.

Выслушав меня, Владимир Ильич сказал:

«Лично я мало знаю карелов, но я слышал, что карелы трудолюбивый народ. Поэтому я верю в их будущее. Вам, коммунистам, которые будут работать на месте, следует напрячь все свои силы, чтобы помочь народу, чтобы он смог подняться и освободиться от последствий рабства длившегося столетия»....

Далее Э. Гюллинг пишет:

«Мы согласовали, что я подготовлю рабочую программу. Так я и сделал. На основании этой программы одобрили указ Всероссийского центрального исполнительного Комитета от 8 июня об образовании Карельской Трудовой Коммуны и образовании революционного комитета».

О том же и так же кратко, может, с небольшой улыбкой в прищуренных глазах, рассказывал Юрье Сирола так:

«Весной 1920 года мы были с Э. Гюллингом, прибывшим из Стокгольма для беседы о делах в Карелии. Дед осведомлялся подробно, что мы знали о Карелии и какое у нас мнение о партии (финской компартии). Верим ли мы сами в успех автономной Карелии? Я признался, что немного сомневаюсь: населения мало, рабочих почти что нет, промышленность мизерная и т.д. Но Гюллинг верил. И был готов попытаться. Он верил в крестьян Карелии, что они, конечно, увлекутся своим делом. Ленин спрашивал и слушал внимательно. Он увидел человека, который верил и решался взяться за дело. Таким надо давать возможность попытаться».

Осенью того же года Гюллинг участвовал в работе депутатов Всероссийского собрания Советов и по его окончании снова был на совещании у Ленина.

«Мы беседовали и о создании бумажной промышленности, и о строительстве гидроэлектростанции в Карелии. Ленин послал меня к Кржижановскому, с которым я согласовывал вопрос о строительстве Кондопожской гидроэлектростанции.

Наши планы, которые были переданы в Совнархоз, задерживали в разных комиссиях. Я рассказывал об этом Ленину, когда снова был у него в апреле 1921г. Владимир Ильич тотчас назначил тройку, написал на небольшую бумажку руководящие указания и посоветовал им в течение 3 дней приготовить материал к заседанию Совнаркома и Совета по труду и обороне. В апреле Совет по труду и обороне под председательством Ленина принял решение о строительстве бумажной и целлюлозной фабрик и гидроэлектростанции в Кондопоге. В тот же день Совнарком РСФСР решил предоставить Карелии особые хозяйственные и бюджетные права».

На основании приказа Всероссийского центрального исполнительного комитета Э.А. Гюллинг был назначен председателем Революционного Комитета Карельской Трудовой Коммуны, а Яакка Мяки (Jaakko Mäki) и олононец Василий Куджиев членами революционного комитета.

Якко Мяки писал в 1931 году в одной своей статье:

«Вначале революционный комитет назначали из 3-х членов, в дальнейшем в него призвали дополнительные члены. Тов. Гюллинг и ниже подписавшиеся приняли дело в Ленинграде, где выполнили много предварительных работ: собрали людей, из которых большинство еще и сейчас работают в Карелии на разных постах. Вдобавок, партийные и советские органы Ленинграда для начала давали нам в приданое деньги чемоданами. Дальше нужно сказать, что одновременно сюда привезли книгопечатную машинку «Сампо» и другие печатные принадлежности, которые раньше были собственностью ингерманландских контрреволюционеров. Когда, наконец, Петрозаводск назвали столицей на этой печатной машинке и печатных принадлежностях печатали финские газеты «Карельская Коммуна» и «Красная Карелия», Позже, спустя некоторое время, оборудование типографии увеличили и улучшили. Но, в свое время, когда она была доступна всем, «Сампо» раздавала крохи знаний для всего Карельского трудового народа.

Наш поезд остановился на железнодорожной станции Петрозаводска. В поезде «Карельская Трудовая Коммуна» во временную столицу приехал и третий член правительства тов. Куджиев».

Продолжим наш рассказ отрывком, который я услышал при посещении мною Василия Михайловича Куджиева у него дома в Ленинграде. Он тогда готовил для печати свои воспоминания «Карельская Трудовая Коммуна» и читал мне отдельные отрывки:

«Вскоре был обнародован приказ Всероссийского исполнительного центрального комитета об основании Карельской Трудовой Коммуны. После этого особым вагоном, предоставленным правительством РСФСР, прибыли члены революционного комитета тов. Э. Гюллинг и Я.Мяки.

Мы встретились в парткомитете области. Первые впечатления о только что прибывших членах революционного комитета, с которыми я должен был работать, навсегда остались в моей памяти.

На вид Эдварду Александровичу Гюллингу можно было дать около 40 лет, он был высокий, стройный, худощавый, его манера

разговора была своеобразной. Во время разговора он то и дело приятно улыбался, иногда во время разговора делал небольшую паузу, судя по всему, искал подходящее русское слово, хотя по-русски он говорил довольно хорошо.

Позднее, в процессе совместной работы, я более близко узнал его и еще больше убедился в том, что у Э. Гюллинга были прекрасные способности организатора народного хозяйства республики. Он был очень настойчив в защите своих деловых предложений, когда шел конкретный разговор. Но если он убеждался, что предложение оппонента лучше, он мог отказаться от своей точки зрения, которую защищал ранее.

Он не допускал пустых разговоров на заседаниях революционного комитета и позднее на заседаниях исполкома области. Перед ним всегда был маленький деревянный молоток председателя и, когда он замечал, что данный вопрос уже достаточно обсужден и нужно было принимать решение, он стучал молотком по столу в знак того, что следует прекращать разговоры. Эту привычку он, наверно, перенес из обычаев сейма Финляндии».

Дальше Василий Михайлович рассказывал, что Эдвард Гюллинг был особо скромен и тактичен. Будучи председателем революционного комитета Карелии и, позднее, исполнительного комитета области, он всегда был скромно одет, жил со своей семьей в одноэтажном деревянном здании, простом жилище, на полу которого были полосатые домотканые из тряпок половики, обычные для тогдашнего Петрозаводска. Эдвард Гюллинг был особо внимателен и участлив к судьбе товарищей по работе и, вообще, всех людей.

Второй член революционного комитета Яакко Мяки внешне был прямой противоположностью Эдварда Гюллинга. Он был широкоплечим, среднего роста мужчиной. Движения и речь медленны и редки. Свое мнение он высказывал резко. Яакко Мяки был финский эмигрант, ярый ненавистник буржуазии. Он разоблачал в своих речах захватническую политику Финляндии того времени. Одну из таких речей он произнес в Медвежьегорске в июне 1920г перед 650-ю железнодорожными рабочими.

Революционному комитету, который тогда собрался в полном составе (Гюллинг, Мяки и Куджиев), нужно было решать срочные организационные вопросы. Подготавливали Всекарельский съезд депутатов. Одновременно нужно было решить вопрос о расположении центра правительства, которое было бы одновременно центром партийной организации, необходимо было определить границы области, укомплектовать советские и партийные кадры.

Василий Куджиев замолчал на миг, и, чувствовалось, как будто бы он в мыслях увидел те времена и тех людей. Потом я услышал продолжение:

- Из разговоров с партийными и советскими работниками Олонецкой губернии выяснилось, что они не хотели, чтобы Петрозаводск утвердили центром Карельской Трудовой Коммуны. Эти товарищи считали, что центром нужно было выбрать город Кеми, который ближе находился к пограничной местности, где располагалось основное национальное население.

Члены революционного комитета решили ознакомиться с городом Кеми.

- Мы поехали туда в том же составе, который Советское правительство определило для революционного комитета.

Следовали Э. Гюллинг, Яакко Мяки с женой, переводчик и я. Во время дороги мы основательно узнали друг друга. С Эдвардом Гюллингом было просто общаться, т.к. по-русски он говорил довольно хорошо. Мяки, напротив, совершенно не говорил по-русски.

Я понимал по-фински, когда говорили медленно, но говорить не умел. Приходилось прибегать к помощи переводчика. Путешествие из Петрозаводска в Кеми тогда было продолжительным: поезда ходили медленно, часто останавливались из-за обнаруживаемых неисправностей путей. Из окна мы видели богатства Карелии – бесконечные леса. Местами дорога пересекала большие болота. Жилье мы видели редко.

Наконец, путешественники прибыли в город Кеми. От Белого моря дохнуло сыростью и прохладой. Кеми был типичным деревянным районным городом севера, относящимся к

Архангельской губернии. Население в основном было русское. Оттуда было железнодорожное сообщение с Петрозаводском и Мурманском. Через город протекала многоводная и порожистая река Кемь, которая доходила до пограничных деревень, но передвигаться по которой можно было только на весельных лодках.

Из промышленности в городе был только лесопильный завод. Рабочий класс небольшой численности работал на железной дороге и лесопилке. Вдобавок к этому город был слишком удален от Олонецка и Повенца - территорий, заселенных карелами.

Обсудив вопросы на месте, члены революционного комитета решили, что Кеми не подходит для столицы Коммуны. Чтобы это мнение было по возможности обосновано, Гюллинг и Мяки продолжили знакомиться с исполнительным комитетом района и его деятельностью. Василий Михайлович поехал в Усманн. Там он рассказал местным крестьянам об основании Карельской Трудовой Коммуны. Сначала Куджиев говорил по-русски, потом повторял свою речь на олонецком диалекте. Жители Усманн понимали оба языка.

Члены революционного комитета вернулись в Петрозаводск, чтобы успеть на Всекарельский съезд делегатов. Он состоялся 1 июля 1920 года.

Молодая Трудовая Коммуна быстрыми шагами начала мирное строительство.

Но не прошло и полутора лет, как из-за границы недобрые духи подняли в северной Карелии, так называемое бандитское восстание.

Революционный комитет, руководимый Э. Гюллингом, и военный совет, который был вынужденно создан из-за осложнившегося положения, в короткое время организовали контрудар. Тогда блестяще проявил себя лыжный батальон международного военного училища под командованием Тойво Антикайнена, ставшего легендарным во времена похода на Киимас озеро (Kiimasjärven). Только после этого смогли заняться организацией хозяйственной и культурной жизни района.

Первые шаги коммуны

В 1923 году при основании Карельской автономной социалистической советской республики Э. Гюллинг говорил:

- Сейчас он вернется, старый Вейнемойнен, Карел старой серой свободы. Он придет к карельским рабочим и крестьянином, и его Карелией станет Карельская социалистическая советская республика.

На землях Карелии от Кандалакши до Ладого в, Ухте, Ругозере (Rukajärvellä), Пряше (Prääsässä) и Олонце нашлось еще много предков Вейнемойнена и Ильмаринена. Но, оставленный Вейнемойненом Кантеле, уже многие годы не звучал звонкими переливами и так же умолк звонкий перестук молота в кузнях Илмаринов того времени. Иго единовластия годами бушевавшей войны и грабительские походы чужеземцев тяжело испытали Карелию.

Когда наступил долгожданный мир, и появилась возможность, снова начать повышать жизненный уровень, трудно было решить, с чего необходимо начинать:

- Во-первых, надо засеять поля...
- нет семян...
- нужно поднять рыболовство...
- сети изношены...
- надо начинать строительство дорог...
- нет даже лопат...

Это так было. Многие дела нужно было начинать с пустого места. Хоть из-под земли, но необходимо было найти семена, сети, лопаты, и они нашлись...

Одним из худших недостатков и трудностью в строительстве новой жизни была неграмотность. Большая часть Карелии не умела ни читать, ни писать, хотя и созданная этим народом Калевала Эпос был переведен на многие цивилизованные языки мира.

* * *

Осенью 1922г большой друг молодого советского государства, всемирно известный датский писатель Мартин Андерсен-Нексе прибыл в Советский Союз, чтобы встретиться с В.И. Лениным. По дороге из Мурманска в Ленинград он провел несколько дней в Петрозаводске в гостях у семьи Э. Гюллинга. Он ознакомился подробно с тогдашним положением на севере.

Э. Гюлинг рассказывал о рождении Карельской Трудовой Коммуны, о гражданской войне и о той громадной помощи, внимании и доброжелательности, которые Ленин оказал в отношении Карелии.

Эдвард Гюлинг послал со своим другом Мартином приветствия Владимиру Ильичу и просил писателя передать ему, что сейчас, когда достигли мирной жизни, Карелия непременно справиться даже с самыми трудными задачами.

Мартин Андерсен-Нексе встретил в Москве Ленина и имел с ним длительную беседу. Под пером писателя потом родилась целая серия дорожных рассказов, из которых газета «Вапаус» (4 августа 1923г) напечатала описание Мурманска, и потом эти рассказы появились на полосах газет и журналов, издаваемых в Карелии и Ленинграде на финском языке.

В труде Матрина Андерсена-Нексе «Навстречу молодому дню» много страниц посвящено Карелии.

Восхищаясь прекрасной суровой природой Карелии, строительному искусству Карельских крестьян и гостеприимству местного населения, Нексе все же не мог не обратить внимания на невероятно трудное положение народа, и на распад хозяйства, как следствие управления старого режима и уничтожения военного времени.

Описывая, как каменные поля пашут деревянной сохой, он пишет:

«Приблизительно так же пахали Каин и Аабел, так же пашут еще во многих местах в Европе, например, в южной Испании и южной

Италии... Европа нуждается в хлебе, жалуется на безмерный рост населения и гордится высоким уровнем своей техники».

Но зоркий глаз писателя не мог не заметить оптимизм жителей Карелии и их веру в лучшее будущее. Эту веру в сердцах людей разбудила советская власть.

«Кто жил среди населения Карелии, знает, что оно, как и все небольшие народности желает только одного – жить и работать в мире со всеми».

Когда Матрин Андерсен-Нексе писал эти строки, в его памяти возникали проведенные в Карелии дни и трудившийся там его друг Эдвард Гюллинг.

* * *

Когда в Карелии были созданы первые советские организации, сразу своей важнейшей задачей они ставили ликвидацию неграмотности.

Так для основания Карельской Трудовой Коммуны в решении отдела народного просвещения Олонецкой губернии от 17 ноября 1918г говорится: « ни один гражданин в Российской республике не должен быть неграмотным. Родителей, которые не посылают своих детей в школу, следует привлекать к революционной ответственности».

На одних решениях, конечно, далеко не уедешь. Нужны были средства, одежда и обувь, школьные помещения, учебники и учителя. Этого в большинстве случаев не хватало. Но, благодаря энергичным действиям, школы начинали работать. О том, какое значение придавали советские и партийные организации обучению грамотности, указывает следующий пример.

Председателем организации «Долой неграмотность», созданной в Карелии в 1925г, работал сам глава государства Эдвард Гюллинг. Два года спустя Сантери Нуортев написал огненную статью, где он предлагал собирать средства на ликвидацию неграмотности, так как в Карелии сохранились еще целые деревни, где крестьяне не умели ни читать, ни писать.

Несмотря на большие старания не так-то легко было ликвидировать наследство, оставленное царской властью.

Но понемногу неграмотность стали побеждать, и предметом особенной гордости Эдварда Гюллинга было то, что он стал получать от карельских крестьян собственноручно ими написанные письма...

* * *

...Иногда осуществляются такие государственные дела, от рождения которых хватает пламени на освещение и отопление окружающего мира на десятилетия вперед. Такое пламя родило определение Лениным о политике отношений к народным меньшинствам нашей страны и вообще его учение о национальных вопросах.

Карельская Трудовая Коммуна создавалась в 1920г в особо трудные времена при непосредственном участии Ленина.

В Карелии началось строительство новой жизни, проснулась национальная культура. Это было нелегко...

* * *

...В начале и среди зимы 1921-1922г в Советской Карелии шла война по ликвидации, начатой белым правительством Финляндии, так называемого «Карельского бунта». Эдвард Гюллинг был назначен председателем революционного военного совета Карельского фронта. Во время военных действий вся власть в Карелии была сосредоточена в руках этой чрезвычайной организации. Тогдашний командир Карельского фронта Александр Седякин дал высокую оценку решительным и грамотным действиям Эдварда Гюллинга в эти решающие месяцы. Все резервные силы Карельской Трудовой Коммуны мобилизовались для достижения быстрой окончательной победы. Инициатива об отправке группы красных финнов руководимой Тойво Антикайненом в тыл к белым была Эдварда Гюллинга. Он сам пришел на Петрозаводский вокзал провожать в трудную дорогу парней интернациональной военной школы. Решительные и

быстрые действия этого ударного батальона на подавление штаба неприятеля расположенного в Кимасозере дало решающий поворот в военных действиях. Войска Красной Армии еще раз прогнали незваных гостей из Советской Карелии.

Карельская Трудовая Коммуна смогла вздохнуть свободно и снова начать мирное строительство.

* * *

В марте 1922г центральный комитет ВКП (Б) по вопросу Карелии, решил:

Из протокола заседания организационного бюро ЦК ВКП (Б) « Об укреплении хозяйственных связей Карельской Трудовой Коммуны и РСФСР и о посылке в Карелию коммунистов» 6 марта 1922г.

«Слушали: О положении в Карельской Трудовой Коммуне – тов. Смирнов, Гюллинг, Куджиев и др.

Решили: 1) Принять к сведению доклад представителей Карельской Трудовой Коммуны.

2) Считать необходимым укрепление хозяйственных связей Карельской Трудовой Коммуны и Советской России. Для этого все хозяйственные проекты должны быть согласованы с комитетом хозяйственных советов западной области.

3) Отправить на работу в Карелию т. т. Шотмана, Эклунда, Нуортиева и Эйно Рахья.

Решение об отправке т. Шотмана подтвердит X съезд партии, отправку Рахья надо согласовать с ЦК Финской Коммунистической партии.

4) Мобилизовать на работу в Карельскую Трудовую Коммуну карельских коммунистов из Тверской и Новгородской областей.

5) Считать необходимым использование 1/3 из средств, отпущенных на народное просвещение, на программу, выполняемую на финском языке.

6) Считать, что в учреждениях Карелии нужно использовать финский язык на равных с русским.

7) Отодвинуть на дальнейшее рассмотрение вопрос о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны в автономную республику»...

* * *

...В ближайшие годы на пустом месте громадными фабричными корпусами поднялись Кондопога и Сегежа (Segeza), главные народные центры. Киестинга, Ухта, Репола (Repola), Паданн (Paatene), Порогозеро (Porojärvi) и Олонец получили автомобильное сообщение; построили Беломоро - Балтийский канал.

Развитие лесоразработки и обработки древесины было поставлено на новые рельсы. Подняли и построили на тысячах гектарах целины осушительные каналы; приобретали сельхозмашины и племенной скот; развивали производство стройматериалов и камнеобрабатывающих производств... За несколько лет Карельское хозяйство стало вполне самостоятельным; от хозяйства и от экспорта полученных прибылей республика скоро начала давать свою долю в общесоюзный бюджет.

Хозяйственный опыт, одухотворенный Владимиром Ильичем, полностью удался в условиях Карелии. Эдвард Гюллинг был его увлеченным исполнителем. Но не один.

Наверно, к наибольшим заслугам Э. Гюллинга относится то, что своими силами - своего ума и своей человечностью - он смог завоевать в короткое время умы многострадального Карельского трудового народа, сумел направить его в желанный, полезный, созидательный труд, результаты которого скоро стали ощутимы.

И все это он сумел сделать спокойно, без шумной рекламы, без старания возвеличить собственную персону. Исключительную скромность Э. Гюллинга характеризует и то, что он не оставил больших автобиографических статей о своей жизни и деятельности, хотя он, как сейчас говорят « был легендой еще при жизни».

Может быть, в архивах есть собственные короткие автобиографические данные и в газетах и журналах тех дней

можно найти некоторые его статьи и речи (в том числе о некоторых встречах с Лениным) – вот и все сведения, которые Гюллинг оставил о себе за время своей деятельности, будучи в Советском Союзе.

Не смотря на это сотни, а может и тысячи живущих в нашей республике ветеранов труда - карелы, финны, вепсы и русские вспоминают тепло Э. Гюллинга, увлеченного и неутомимого строителя, человеколюбивого, умного и идейного государственного деятеля.

Как я уже упоминал, я в течение многих лет интервьюировал десятки таких моих земляков. Некоторые из них рассказывали, а некоторые по моей просьбе даже написали о своих встречах с посланником Ленина, председателем революционного комитета, и в дальнейшем, первым главой правительства нашей республики.

Иногда, видите ли, в газетах пишут о том, как тот или иной слушал речи того или иного большого деятеля и это простое присутствие потом охотно ставят в заслугу этому человеку. Особым отличием воспоминаний о Э. Гюллинге, не зависимо от того, что он о них говорил, была правдивость. Все воспоминания основываются на конкретные происшествия или дела.

Э. Гюллинг был выдающимся ученым теоретиком рабочего класса Финляндии, но в Советской Карелии его знали, прежде всего, как человека конкретного дела. Поэтому обыкновенный трудовой люд ходил к нему, не считая редких исключений, только по рабочим делам, посоветоваться, за помощью.

Не прошло и много времени после приезда Э. Гюллинга в Карелию, как стало общеизвестно, что появился такой человек, к которому можно обратиться по делу и за делом. И, что поднятые вопросы, просьбы и пожелания решаются незамедлительно, насколько это возможно решить. Или, если сразу невозможно удовлетворить просьбу, то это ясно и достоверно объясняется и дополнительно объясняется, как можно выйти из положения.

Спасая Карельских эмигрантов войны

В январе 1967г я случайно узнал, что недалеко от Медвежьегорска (Karhumäen), в деревне Лавасгуба (Lavasguban) живет человек, который участвовал во многих бурных событиях гражданской войны в 1918-1922 годах в северной Карелии.

Я написал ему. Через несколько дней Юзеф Иванович Давыдов ответил длинным письмом. Он рассказывал в общих чертах, как под влиянием местного совета в Кеми организовали партизанский отряд для защиты от интервентов из-за границы, и, как потом на судьбы карелов трагически повлиявшие события потом стали разворачиваться.

Ю.И. Давыдов жалел, что не может письменно исчерпывающе объяснить эти богатые памятными событиями годы. Но, если бы встреча удалась, то он мог бы подробно рассказать обо всем увиденном и испытанном, т.к. он все еще хорошо помнит все события.

Ровно через 3 месяца он прибыл в Петрозаводск.

Я пошел к нему в гостиницу «Север». Там я увидел невысокого, еще бодрого пожилого человека. Поздоровавшись с ним и назвавшись именем, написанным в письме, мужчина сказал, сощурился глазами:

- А вот мое настоящее имя – Оскар или Оссипа Иванович Богданов. Внук Слимппа Петра (Slimppa-Peterin) из Каменного озера. Не слышал, наверно, о таком мужике? А я же был очень хорошим знакомым с твоим отцом. И много раз мы хлебали суп из общего котла также с его братом, твоим дядей Николаем, на этих путях – дорогах. Откуда же ты мог бы помнить знакомого своего отца, если ты тогда еще не родился на этот свет...

* * *

Тогда 18 апреля 1967г Оскари Богданов начал свой рассказ, который длился много дней.

1923г О. Богданов работал в уездном совете в Сороках. Он получил от Э. Гюллинга телеграмму, где его просили прибыть в Петрозаводск.

В Петрозаводске О. Богданов не встретил Э. Гюллинга. Тот успел уехать в Москву, но оставил поручение, чтобы Богданов прибыл туда.

Оскари Богданов побыл в Сороках, чтобы перепоручить свои обязанности своему заместителю Г. Азанову и поехал в Москву.

Когда Оскари прибыл к месту назначения и встретил Э. Гюллинга, тот сказал ему:

- Тебя требуют на другую работу в народный комиссариат по национальным вопросам.

- Для чего?

Э. Гюлинг показал Оскари документ. Это была амнистия карельским беженцам, эмигрировавшим в Финляндию во время гражданской войны.

- Это, тов. Гюлинг, такое поручение не для меня.

- Сначала будешь учиться, а потом поедешь в Финляндию. Нам нужно помочь силой уверенному карельскому населению вернуться к родным местам. Карелы хотят вернуться домой, чтобы строить и улучшать свои жизненные условия и Карелия примет их в открытые объятия.

Э. Гюлинг с О. Богдановым посетили наркома внешних дел т. Чичерина. Комиссариат тогда находился в красивом доме №11 по Кузнецкому мосту.

- Вы уже показали товарищу текст амнистии?

- Да, он даже его подписал, сказал, посмеиваясь, Э. Гюлинг.

Чичерин: Какое образование Вы получили?

- Даже неполное начальное, ответил Оскари.

- Можно сказать, что у него есть предполагаемое общее образование. К тому же большой жизненный опыт, сказал Гюлинг.

Чичерин: Какие языки знаете?

- Финский, карельский, русский.

Богданов изъявил желание, чтобы его сначала отправили учиться и потом проверили, получится ли толк.

- Конечно, он справится, подтвердил Э.А. Гюллинг.

Тут появился Сантори Нуортева. По всей вероятности, по просьбе наркома.

Чичерин: - Александр Федорович, ознакомьте товарища с делами, общими законами дипломатии и паспортными правилами. Особое внимание обратите на гражданское законодательство. Он должен будет принимать людей, которые хотят стать нашими гражданами...

Нарком пожелал удачи и протянул руку на прощание. Так О. Богданов начал изучать в Москве начала дипломатии. Он жил с Э. Гюллингом вместе в одном гостиничном помещении.

Нуортева каждый вечер посещал Э. Гюллинга. Часто так же и Шотмана. Они беседовали обстоятельно о делах Карелии, о ежедневных проблемах, в т.ч. особо важным считали широкое развертывание лесоразработок.

Во время одной беседы Ленин сказал Э. Гюллингу, что мы нуждаемся в древесине Карелии, как в хлебе к обеду. Петроград нуждался в дровах...

Гюллинг, Нуортева и Шотман обсуждали так же развитие рыбного промысла, рыбообрабатывающей промышленности (разговор шел о постройке в Кандалакше рыбоконсервной фабрики) и о постройке электростанции и бумагоделательной фабрики в Кондопоге.

В промежутках они рассказывали О. Богданову поучительные события из своей жизни. Во время этих разговоров делали много заметок, применимых для будущей деятельности О. Богданова. Особым вопросом у Э. Гюллинга была помощь людям, живущим в Северной Карелии опустошенной во время гражданской войны.

- Лошади и сельскохозяйственный инвентарь будем покупать в Финляндии. После тебя пришлем туда делегацию покупать лошадей. Будешь помогать им. Там у нас торговый

представитель.... Свяжитесь с ним. Снабжение продуктами пограничного района хотим улучшить из Каяни (Kajaani). Это тут рядом.

- Но, станет ли белое правительство Финляндии нам продавать? – Сомневался Оскари.

- Капиталисты не откажутся от покупателей, если намечается заметная прибыль,- говорил Э. Гюллинг - напишу тебе подробно из Петрозаводска. Не бойся трудностей. Не пугайся даже в том случае, если захотят устроить провокацию. И это возможно. Будь тверд и спокоен.

Э. Гюллинг и С. Нуортева были особо доверчивые – они разговаривали при Оскари свободно, может быть, даже специально, чтобы ознакомить его с менее знакомыми вопросами, о которых хорошо было знать заранее.

Однажды Э. Гюллинг сказал:

- Когда я ходил в школу, студенты начинали участвовать в рабочем движении. Я тоже, хотя у меня с моими родителями возникали большие разногласия. В каждом деле кому-нибудь надо быть пионером, первопроходцем. Попытаемся и мы поднять Карелию к новой жизни.

Скоро Э. Гюллинг выехал в Петрозаводск, а О. Богданов еще около месяца под руководством С. Нуортева знакомился с секретами дипломатии.

Когда Э. Гюллинг снова приехал в Москву, он сказал накануне отъезда:

- Нужно сходить на прощание к наркому. Идем с тобой вместе, Оскари.

Нарком внешних дел Чичерин сказал Оскари Богданову, что его могут отправить уже завтра. В Москве ожидают приезд Александры Коллонтай. В ее вагоне можно будет ехать до Хельсинки.

Однако, Коллонтай не приехала. Оскар Богданов поехал в Хельсинки в вагоне дипломатического курьера. С июня 1923г до января 1925г Оскари Богданов трудился в Финляндии в интересах возвращения домой карельских военных беженцев. Это

временами была трудная и даже много проблемная задача. Но нужная работа. Многочисленные карельские семьи тогда получили возможность вернуться на желанные земли родины.

После возвращения из Финляндии Оскари Богданова назначили в пограничную комиссию. Вторым членом комиссии был военный офицер Петров. Они были назначены на эту работу вместо бывших сотрудников пограничной комиссии Лаврова и Ристо Лесосена коварно убитых. Но это другой разговор.

Оскари Богданов вспоминает, что почти каждый раз, будучи в командировке в Петрозаводске, он жил у Э. Гюллинга или у Н.В. Архипова и его жены Анастасии.

Оба руководителя тогдашней Карелии хотели знать о делах и жизни в разных местах республики, особенно в пограничных областях, из первоисточников, узнать мнение рядовых людей. И это лучше всего было делать в домашней обстановке, в разговорах за кофе или чаем.

В кузне, на полях и на ниве просвещения.

Во время Великой Отечественной войны мне случилось пару раз побывать на Паанаозеро (Paanaajärvellä). Туда были эвакуированы десятки колхозников из тех деревень Калевалского округа, которые оказались под неприятелем. Как-то раз, в конце лета, я встретил на поле небольшую тощую женщину, читающую другим женщинам новости из только что полученной газеты «Правда». Это была Кайса Луото, пропагандист тогдашнего

райкома Калевалы. С раннего утра до позднего вечера она трудилась на колхозных полях в женской бригаде. Поэтому жители деревень просились только к Кайсе, как к своей. Делились с ней горестями и радостями. И поэтому труд Кайсы как пропагандиста не пропал даром. После войны Кайса трудилась в газетах. После ухода на пенсию она активно участвовала в общественной работе. Мы встречались довольно часто, и тогда Кайса Луото вспоминала эпизоды из своей жизни и своих сотрудников. Некоторые ее рассказы были как готовые новеллы, нужно было просто их записать.

- Кайса, записала бы ты свои воспоминания, наши будущие поколения были бы благодарны тебе за это,- советовал я ей много-много раз.

- Не получится из меня писателя. И времени нет, когда многие вечера занимает агитационная работа и репетиции финского национального хора...

Я все же не оставлял Кайсу в покое.

И потом как-то раз она пришла ко мне с папкой в руке (это было 16 февраля 1968г).

- Вот тут, получай. Может быть, эти рассказы Ауры-тети годятся...

Это были многие эпизоды, рассказанные Аурой и записанные Кайсой Луото из долгой жизни Ауры и ее многосторонней деятельности. Некоторые ее воспоминания касались Э. Гюллинга. Я переписал принесенные Кайсой Луото бумаги начисто и отнес их тогдашнему главному редактору журнала «Пуналиппу» Уляс Викстрему. Некоторые эпизоды потом печатали в «Пуналиппу», но часть осталась неизданная.

Одно из воспоминаний, записанное Кайсой Луото под заголовком «Аура вспоминает», следующее:

- Накануне октябрьского праздника 1967г мы с Лююли Котиярвен сидели с Аурой Киискинен и беседовали.

- Мы читали с Лемпи ежедневную «Советскую Карелию», Аура сказала: «Тут документы об основании Карельской Трудовой Коммуны, но не сказано, откуда возникла мысль о коммуне...»

- Э.А. Гюллинг же был в Швеции в эмиграции после того, как революция в Финляндии потерпела поражение, продолжала Аура, – там он следил за повторными нападениями финской буржуазии на Советскую Карелию и за их попытками присоединить Карелию к Финляндии. Там у него родилась мысль, что из Карелии нужно создать отдельную автономию, чтобы они не старались ее завоевывать. Он написал об этом Ленину и получил вызов в Москву.

По пути Гюллинг посетил меня. Я жила тогда в Ленинграде в отеле «Астория», где жило много и других финских коммунистов. Гюллинг рассказал мне о цели своего путешествия.

- Как ты веришь, что из Карелии получится отдельная автономия, тогда, как там нет рабочего класса и население почти сплошь неграмотное? – говорила я.

- Да, но там много бедняков и середняков среди крестьян и они за Советскую власть,- говорил Гюллинг - В этом и политическое значение, что, если Карелия освободила бы сама себя, то у финской буржуазии пропала бы возможность присвоить ее,- продолжал он.

Юри Сирола рассказывал позже Ауре Киискинен, что Ленин вызвал к себе финских коммунистов Куусинен, Сирола, Маннер и Гюллинга и беседовал с ними.

Сначала он спросил, какое мнение Сирола об автономной Карелии. Сирола сказал, что сомневается, что это получится.

Тогда Ленин спросил мнение Гюллинга.

- Я верю в Карельского крестьянина,- ответил Гюллинг.

По рассказу Сирола Ленин сразу сказал:

- Вот здесь человек, который верит и уверен. И Гюллинг получил командировку в Карелию, с того момента и началось создание Карельской Трудовой Коммуны.

- Напечатано ли когда-либо об этой инициативе Гюллинга? – спросил я у Лауры, когда она закончила свой рассказ.

- Есть, но очень мало, например, в статье Юсси Лехтинен к 50-летию Гюллинга, ответила Аура.

- Есть у тебя эта статья? – спросил я.

- Есть, – сказала Аура.

Об этом молодые издатели (журналисты) ничего не знают и потому об этом не могут упоминать, когда и я первый раз об этом слышу, – думал я сам собой. Кайса Луото подтвердила и писала дальше: Аура многое помнила о деятельности Э.А. Гюллинга в Карелии.

- Гюллинг часто заходил ко мне, будучи в Ленинграде – рассказывала Аура. В то время поезд в Карелию отправлялся очень поздно и, дожидаясь отправления поезда, у Гюллинга было время посетить старых товарищей. Иногда Матсон был вместе с ним. Но Гюллинг мог приходиться с инженером строителем Мобергом, тогда сразу раскладывали карты и бумаги на столе и начинали с большим увлечением строить Карелию. Шведский инженер Моберг участвовал в электрификации Карелии в т.ч. в Ухте и строительстве Кондопожской бумажной фабрики.

Когда я приносила кофе, приходилось командовать, чтобы карты убрали со стола. И то еще помню, как сияли глаза Э. Гюллинга, когда впервые на улице Карла Маркса уложили твердое покрытие.

- Сейчас и у нас асфальтируют улицы,- говорил он.

Вспоминая Э.Гюллинга, Аура Киисинен подтвердила:

- Э.Гюллинг при наших встречах даже не мог ни о чем другом говорить, кроме как о Карелии, что сделано, что надо сделать и что для этого нужно.

Тогда между партийными организациями Карелии и Ленинграда была особо крепкая связь, и Ленинград разными способами оказывал помощь молодой Карельской республике.

* * *

Микко Мелентьева из деревни Лахти Слигозерских (Säämäjärven) карелов знали в нашей республике как опытного главного редактора газеты «Totuus», потом как министра рыбной

промышленности и, наконец, перед уходом на пенсию руководителем типографии Сортавала.

В начале 1930-тых годов, после окончания в Ленинграде университета нацменьшинств запада, Микко Мелентьев вернулся в Карелию домой и его направили на комсомольскую работу. На том же курсе университета учился тогда и Тойво Рантала, который был женат на старшей дочери Э. Гюллинга Майе. В Петрозаводске знакомство молодых людей продолжалось. У Тойво Рантала и его семьи была комната в квартире его знаменитого свекра на улице Герцена.

Будучи в гостях у товарища по учебе, Микко Мелентьев много раз беседовал с Э. Гюллингом.

Конечно, Микко видел Гюллинга и раньше, но обычно на рабочем месте. Молодой карельский парень уже с первой встречи запомнил мужественного и статного главу правительства. Из-за свойственных ему черт, благодаря утонченному, но, в тоже время, непосредственному и естественному поведению, Эдвард Гюллинг казался выше среднего роста. У него был протез вместо левой ноги, и ему приходилось ходить с тростью, но и это не уменьшало его мужественного вида, может быть, даже это прибавляло ему благородства. Надо было только уметь пользоваться им красиво, со стороны казалось, что он уже полностью к нему приспособился и временами даже забывал о нем. Только иногда, поздно вечером, после утомительного рабочего дня, по окончании долго длившегося совещания, можно было заметить, как тяжело Гюллингу приходилось опираться на трость, чтобы встать со стула.

Постоянными принадлежностями Э. Гюллинга были еще две курительные трубки английского производства, которые он держал у себя на рабочем столе в большой пепельнице. Табак был его пристрастием, и, по вероятности, у никотина было возбуждающее действие и помогало думать. Э. Гюллинг не относился к блестящим ораторам. По-русски он говорил с небольшими ошибками и по-фински тоже слегка заикался. Но в речи Гюллинга всегда было такое, что заставляло слушателей

внимательно прислушиваться к его речам. Причиной к этому, прежде всего, наверно, было то, что Гюллинг никогда не занимался пустословием, а всегда говорил только о важных делах.

Э.Гюллинг одевался всегда скромно, но аккуратно. Обычно он носил темный костюм, хороший галстук и карманные часы с брелком, висящие на цепочке из кармана жилета, добавляли его наряд. Садясь за письменный стол, Гюллинг доставал из кармана табакерку и трубку, которую осторожно прислонял к пепельнице. Потом, погладив рукой густые волосы, Гюллинг был готов слушать, что товарищи по работе или пришедшие посетители хотели ему сказать. Желающих попасть на прием к Эдварду Гюллингу было исключительно много. Можно только удивляться, как он успевал управляться с потоком посетителей, несмотря на то, что многие ходили к нему домой или поздно вечером, и даже рано утром.

В штате Совнаркома финнов было не так уж и много, там работали, в основном, карелы и русские товарищи. Но на лесоразработках, в промышленности и в национальных районах республики руководителями учреждений было достаточно много финнов. И они, находясь по делам в Петрозаводске, конечно, стремились попасть на прием к главе правительства, который помог бы быстро решить имеющиеся, а так же наболевшие вопросы.

Эдвард Гюллинг ездил много по республике, несмотря на то, что у него была ампутирована нога. Он был лично знаком со всеми районными руководителями, а также и с большинством председателей сельсоветов.

По мере того как строились новые дороги, по ним и передвигался Э. Гюллинг. Он пользовался находящимся в его пользовании Бюик-автомобилем, в котором он обычно ездил до самых крайних Карельских пограничных деревень Вителе (рассказывали, что правительство Карелии купило этот автомобиль у одного из лесорубов, приехавшего из Соединенных штатов в Карелию).

Когда во время отпуска Микко Мелентьев ездил в деревню домой или в командировки в разные районы Карелии, он часто слышал от крестьян вопрос:

- Как там Эдвард Александрович живет? Передай ему привет и скажи, чтобы снова приехал поведать, как мы живем...

Когда Микко Мелентьев был в гостях у своего соученика по университету Тойво Рантала, ему было интересно встречаться в домашней обстановке с Гюллингои и обсуждать с ним самые обыкновенные дела.

У Майи и Тойво рос маленький мальчик Мартти и дедушка Эдвард то и дело заходил в комнату баловаться со своим внуком.

Иногда он присоединялся к беседе молодых, спрашивал и смеялся, когда они рассказывали в смешных оборотах о своих делах, а иногда и в прямых шутках. Долго смеялись над рассказом Микко о том, как он устроился с жильем по приезду в Петрозаводск из Ленинграда. Сначала Микко с товарищами некоторое время жил в гостинице на Комсомольской улице. Там жилось неплохо, в гостинице был буфет, у каждого жильца была своя кровать. Но вскоре из гостиницы выселили постоянно живущих в городе и им, троим комсомольским работникам дали маленькую комнату в только что выстроенном двухэтажном деревянном доме онежского завода (около бани на улице Гоголя). В этой комнате у Микко Мелентьева (он был руководителем организационного отдела обкома комсомола) и Арсени Денисова (так же руководителя отдела) не было ни какой мебели, но у ответственного секретаря обкома Карягина была все же собственность – одна кровать. Парни в шутку повесили расписание, кто и когда может спать на кровати, а кто на полу, на газетах. Положение улучшилось, когда получили стол и три стула от организации.

Э. Гюллинг весело смеялся и шутил вместе с остальными, но потом сказал:

- Но сейчас уже не время военного коммунизма. Нужно обязательно найти вам жилье...

Три месяца спустя и Мелентьеву, и Кяргину дали комнаты в новом доме Совнаркома, который находился во дворе центрального исполнительного комитета (КарЦИКА).

Так к радости комсомольской тройки решилась эта проблема.

* * *

Когда я собирал материал для очерка под заголовком «О батальоне майора Валлина», я узнал, что автомобильный отряд живущего в нашем доме ветерана труда и войны Василия Ивановича Степанова во время войны возил снаряды для батальона Валлина, и однажды на обратном пути они увезли в тыл пленных немцев, захваченных солдатами батальона.

Во время беседы я узнал, что отец его был карел, родом из деревни Курен Паанозерской волости (Paanajärven), который в городе Кеми женился на русской девушке. Василий провел свое детство в Кеми. После октябрьской революции он участвовал в организации комсомола. В более зрелом возрасте занимал многие ответственные посты.

В середине 1930 годов его неожиданно назначили начальником лесоразработок в Моторино Петровского округа. Участок лесоразработки был в тяжелом положении. Так как лесоразработки не справлялись с вывозкой леса, то банк прекратил финансирование. Рабочим длительное время не выплачивали заработную плату. А сплав был на носу.

-Что делать? Без выплаты заработной платы не могло быть и речи о продолжении работы, но банковские работники со своей стороны не хотели слушать никаких обещаний.

Тогда Степанов решил применить способ, на который наверняка отреагируют. Он послал в Петрозаводск телеграмму:

- Откажусь от ответственности, если рабочие не выйдут на сплав...

На следующий день из Петрозаводска приехали на автомобиле за начальником лесоразработок, чтобы заставить его держать ответ за свои «капризы». Степанов требовал, чтобы его отвели на прием к Гюллингу. Наконец, с этим согласились.

Поздоровались. Эдвард Гюллинг взглянул на него изучающее после краткого выяснения обстановки и спросил:

-Как ты посмел отправить такую телеграмму?

- Не было же другого выхода. Денег не обещали. Если бы я сидел, сложа руки, и за это тоже по голове не погладили бы. Я

думал, что такая решительная телеграмма каким-нибудь способом поможет.

-Товарищ Степанов, нельзя расстраиваться от маленькой беды,- сказал Гюллинг. Он пригласил к себе ответственных работников треста по лесоразработкам, снабжению и банка.

-Какая сумма денег собирается за день в банк? - спросил Гюллинг у начальника банка.

-Столько- то тысяч рублей.

-Передайте всю сумму тов. Степанову. И вы, – обратился Гюллинг к представителям снабженческих органов, – позаботитесь о том, чтобы послали немедленно обувь сплавщикам.

Начальник банка пытался возражать, что такую сумму нельзя давать одному лесоучастку, но Гюллинг, взяв в руки давно потухшую трубку, сказал спокойно и решительно:

-Стоимость ожидаемого с этого сплавного участка многократно покроеет эту сумму. Лесопильная промышленность и заграничная торговля нуждаются в сырье. Мы потерпели бы непоправимый убыток, если даже часть из этих десятков тысяч бревен принадлежащих сплаву в такую маловодную весну из-за опозданий с работами остались бы на суше.

Тяжело опираясь на трость, Гюллинг встал, совещание закончилось. Его участники удалились один за другим в комнаты председателя Совнаркома, чтобы исполнять полученные указания.

Пожимая руку Степанова, Гюллинг сказал:

- Не уезжай, пока не получишь денег.

Степанов пошел в банк и вечером получил обещанную сумму. Оттуда он поспешил на телеграф и послал бухгалтеру лесоучастка телеграмму:

-Готовьте ведомости на зарплату рабочим.

И под ночь он уехал из города.

На следующий день сплавные работы продолжались нормально.

* * *

Я встретила Э.А. Гюллинга первый раз на первой конференции женских делегатов,- рассказывала бывший председатель сельсовета Святозера (Puhäjärven) Пелагея Васильевна Максимова.

- После этого, бывая в Петрозаводске, я часто заходила по делам и просто повидаться с Э. Гюллингом к нему на квартиру.

- Выпьешь чашку кофе? - спрашивала обычно его жена Фанни.

- Я в шутку отвечала, что могу выпить и больше.

- Пей хоть 10 чашек, - продолжала хозяйка в тон.

Вечером, когда мы уже закончили беседы обо всех делах нашей деревни, я хотела идти к знакомым на ночь. Но мне возразили.

«Никуда не ходи, Максимова. Оставайся у нас на ночь».

Я осталась на ночь, раз не пустили. Я осталась спать в рабочем кабинете Гюллинга, но не могла долго заснуть. Майя – девочка заглянула в дверь «Поля – тетя, почему не спишь?»- спросила она. Я сказала, что что-то смущаюсь, и девочка пошла, оказывается, рассказать об этом отцу. Тогда пришел отец, Э.А. Гюллинг, и стал мне говорить, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не смущалась их, а была бы, как дома.

Утром мы пошли вместе в его служебный кабинет. Он взял меня под руку и так мы пошли с шутками.

Когда у нас, деревенской бедноты, жизнь стала очень трудной, я снова пришла к Гюллингу. И помощь мы получили.

Раз он мне написал записку. Пошла я с этой запиской в Петрозаводскую пекарню и получила мешок муки. В Карпотребсоюзе я получила кожу для сапог и еще табак для мужиков.

Я вызвала лошадь со Святозера, и колхозный бригадир приехал за мной и вещами.

Во время, когда я была председателем сельсовета, я дважды была у Гюллинга при подобных трудностях и получала помощь.

Каждый раз, когда я приходила к нему домой по своим делам, меня оставляли у них ночевать. Ночевала я у них много раз.

В 1928г я сделала доклад о работе сельсовета Святозера на заседании Карельского центрального исполнительного комитета. В Святозеро послали за мной автомобиль. За мою работу меня премировали 200 рублями. Я была первая женщина, которая в Карелии была выбрана председателем сельсовета. Премию я не взяла, попросила передать ее на улучшение культурной жизни деревенской бедноты.

Как-то я была дома в колхозе, была занята сортировкой семян. Бегала босиком по деревне, а когда пришла домой, то увидела автомобиль во дворе. Догадалась, какие это были гости. Я растерялась, как быть, так как в избе был беспорядок. Когда вошла, товарищи Гюллинг, Нуортева и Ярвисало уже сидели в избе.

«Мы сломали замок, Максимова»,- сказали они.

В то время у нас в деревнях на дверях замков не было, только запирали на палку.

Нуортева привез моей дочери Вале красивую куклу.

- Эта кукла потом в нашей деревне была предметом восторга всех детей. У нас же тогда были только самодельные тряпичные куклы. Кукла была еще такая хитрая, что когда надавишь ее по животу, то она показывала язык, – вставила в разговор дочь Пелагеи Васильевны Валя.

- Мы раньше тоже никогда не видели автомобиля. Товарищ Гюллинг сказал своему шоферу: «Возьми и покатай детей немного». Вот тогда у нас было много радости. Мы были совершенно счастливы, катаясь по деревенским дорогам, – вспоминала Валя.

Мать Максимова продолжала:

- Потом, когда гости собрались ехать в другие деревни, я попросила: «Остались бы все же ночевать». «Мы съездим в Олонец и на обратном пути переночуем у тебя»,- обещали гости. Потом, на обратном пути, они позвонили уже с Коткатозеро (Kotkatjärveltä), что приезжают. Секретарь райкома Николай Сорокин, оказывается, попросил гостей ночевать у него в семье, т.к. у него было более

просторное жилье.- У Максимовой же только одна комната, – заметил Сорокин:

«Пусть хоть соломы положит на пол. Мы переночуем у Максимовой, раз обещали», ответили гости и остались у меня.

Хорошие они мне были товарищи, много лет они в летнее время жили в Пелдосах (Peldosissa) у Богатырева. Там они рыбачили, и им очень нравилась красивая природа Святозера(Puhäjärven).

Вспоминаю, что тов. Гюллинг и там, на отдыхе, принимал крестьян из окружных деревень и помогал им. Когда-то из колхоза пришел Ануфриев и сказал: « Я пошел к Гюллингу и получил помощь», вспоминает опять Валя.

Таким же образом рассказывала о своих встречах с Эдвардом Гюллингом жительница Петрозаводска Онерва Грибанова:

-Я познакомилась с тов. Гюллингом в 1933 году в Москве, будучи там в командировке. Сразу при первом знакомстве у меня создалось впечатление, что Эдвард Гюллинг был веселый человек и хороший товарищ.

В следующем году удалось ближе познакомиться с Эдвардом Гюллингом в Петрозаводске. Мы часто были в одних и тех же компаниях. Однажды, в октябре, мы были на лесоразработках в Матросах. Были Гюллинг, Эва Корхонен, Ассег Сало и я (тогда мое имя было Онерва Пае). Автомобиль остановился у клуба лесозаготовителей. Мы вошли, и сразу помещение заполнили лесорубы и члены их семей. Начали.

Москва.

А. Шотманн, Э.Гюллинг, М. Калинин, Н.Юссиев

Тов. Гюллинг рассказал о положении в лесной промышленности, о ее значении и о выполнении годового плана в пределах республики. Ассер Сало говорил о международном положении. Тов. Корхонен доложил о деятельности МОПРа, и я прочитала стихи «Приказ Ленина». Лесорубы со своей стороны выступили с песнями и другой программой.

После программы вокруг Гюллинга собрались мужики, у них в руках были кисеты, и они делали самокрутки из махорки. Тов. Гюллинг набил свою трубку их табаком. Хватало рабочего дыма и разговоров о лесоразработках и о других делах.

Казалось, что, конечно, планы к концу года будут выполнены.

Еще ходили в маленькую избушку. Там, в углу, были рабочие инструменты, пилы. Обсуждали вопрос об использовании современных пил в больших объемах. Они нужны были в большом количестве и лучшего качества.

Когда проверили пилы, хозяйка поставила на стол горшок с картошкой. На столе стояла тарелка с грибами и какая-то рыба. Она позвала нас к столу, и мы сели обедать. Тогдашний председатель Карельского правительства вместе со всеми другими. Он чистил картошку и ел ее вместе с грибами с большим аппетитом, так же, как и все мы.

Там нельзя было отличить Эдварда Гюллинга от простого рабочего, так естественно было его поведение.

Я много раз в Сортавала встречал старого члена партии и ветерана лесоруба Пааво Лаатикайнена. Однажды Пааво рассказал, что в 1920 году он приехал в Петрозаводск по вызову Эдварда Гюллинга.

-Оттуда вместе с ним путешествовали в особом поезде до Кеми. И там я стал начальником молевой сплавной конторы. С той беседы прошли годы, прежде чем я сообразил, что нужно было расспросить Пааво более подробно и записать на память то, что он рассказывал. За это время Пааво успел сменить место жительства. Написал ему в Ленинградскую область и попросил его вернуться к этому делу. Отвечая на мои многочисленные вопросы, он рассказал в своих воспоминаниях следующее:

- Будучи на погранслужбе на Карельском перешейке, мне то и дело приходилось быть в Петрограде по делам. Я ночевал часто на Финляндском вокзале в квартире Хуго Ялава. Во время этих посещений я всегда заглядывал к Юкко Рахья в интернациональную военную школу и, совершенно случайно, получил возможность познакомиться с тов. Гюллингом. Рахья представил меня Эдварду Гюллингу:

- Вот знаток по вопросам леса товарищ Лаатикаенен. Рекомендую его в Карелию. Когда ваша компания соберется в путь создавать Карельскую Трудовую Коммуну, там же нуждаются в организаторах лесоразработок.

По просьбе Эдварда я с удовольствием согласился поехать в Карелию. Это была моя первая встреча с Гюллингом. И так, в 1920 году весной мне дали командировочное удостоверение для поездки в Карелию.

Через неделю мы поехали на особом поезде в Кеми. Вместе с товарищем Гюллингом было много товарищей: Ярвисало, Ровио ... всех не помню. Там обсуждали, где основать центр правительства. Кеми нашли неподходящим местом. Подумали о Кондопоге, но и там негде было поместить учреждения и устраиваться с жильем. Так последним из выбора остался Петрозаводск и туда в дальнейшем и переехали.

Организационных вопросов хватало для всех. Прежнее руководство Олонецкой губернии сопротивлялось, но, с согласия Ленина по предложению тов. Гюллинга и Сирола, столицей Карельской Трудовой Коммуны стал Петрозаводск. И сейчас он, наверно, навечно останется столицей Карелии...

Необходимо было основать приличную типографию, часть машин купили в Финляндии. Начала печататься на финском языке газета «Карельская Коммуна».

Это была первая газета населения Карелии на своем языке. Я был постоянный корреспондент газеты. Я прилежно писал десятки лет о событиях на работе, даже и потом, когда газета выходила под другим названием. С тех пор я читал газеты.

Я часто встречал Эдварда Гюллинга, когда попал на политическую работу в Кемском округе. Этот северный участок лесоразработок простирался до Мурманска. Побывал в Ристикентах и до истоков Тулема реки. Меня часто вызывали в Петрозаводск с докладом в обком партии, и у меня было привычкой каждый раз побывать у Гюллинга. Он был очень заинтересован узнать обо всех событиях.

Один раз он попросил прийти к нему в 8 часов утра, чтобы прослушать важные новости дома в спокойной обстановке. Не помню название улицы, где он жил в маленьком доме.

Семья еще не приехала в Петрозаводск. Когда я пришел, он уже вскипятил чай и собирался принести дрова, чтобы обогреть

жилье. Была, видите ли, поздняя осень. Я спросил разрешения, можно ли мне принести дрова, я же моложе. Эдвард наотрез отказался от моей помощи.

- Справляюсь сам с домашними делами довольно хорошо.

Мне осталось только удивиться, насколько не требователен и скромен был наш народный комиссар, ни прислуги, ни помощницы.

- Каждый день сюда ходит уборщица. Помогает мыть полы.

Меня откомандировали в Олонец осенью 1921 года. Тогдашний председатель профсоюза лесопромышленного округа, родом из Вителе, предложил меня начальником на Вителевский сплавучасток по плотованию и на погрузочные работы.

На этой работе я был в 1926-1927 годах. В дополнение к этой работе давали и другие поручения. Я должен был следить за сплавом, выполняемым финскими фирмами. Они покупали в Карелии лесоматериалы, которые переправлялись через границу по рекам. На нашей стороне на реках работали наши. Общество рабочих сплавщиков оплачивалось финскими марками. Мне нужно было менять валюту, по курсу, на наши деньги.

Мануфактура и продукты питания рабочим разрешалось покупать у финских торговых представителей. Так мне приходилось ходить с места на место с рюкзаком на спине, в котором были марки и рубли. Было у меня, все же, два солдата охраны, один из них был из Олонецкого особого отдела комендатуры. Во время моей работы в Вителе Эдвард Гюллинг был там два раза и оба раза заходил ко мне.

Во время командировки в Ленинграде в 1923г я заболел брюшным тифом и провалялся целый месяц в Ленинградской больнице. Чуть не пришел конец моей жизни. Температура поднялась до 41 градуса, но сильное сердце спасло, жизнь вернулась.

Когда выписался из больницы, я ходил к товарищу Кузнецову. Он был уполномоченным Ленинграда в экспортном учреждении по вывозу лесоматериалов.

Тогда, в то же время, я встретил тов. Гюллинга, который был проездом в Карелию из Москвы. Он очень сокрушался, что я был в таком плохом состоянии. Но больше мы говорили о важных делах по работе.

Тов. Гюллинг дал ценные указания и рекомендовал позаботиться о здоровье. Настоящий товарищ!

Я вернулся в Вителе на прежнюю работу. В Вителе на сплав плотов и погрузочные работы требовалось много сил и умения, но я справлялся с работой довольно хорошо.

В 1925-1926 году я был начальником по лесосвалу в Кангасозере Пряжинского округа. Меня уполномочили передавать бревна финской фирме акционерного общества Репола. Такую работу мне пришлось выполнять на протяжении нескольких лет в этом пограничном районе.

В 1928 году я получил командировку в Финляндию в Куоляярви принимать брус, который был предназначен для заграницы. Посредником и здесь выступало акционерное общество Репола. Бревна сплавляли по Иевареке на лесопильни в Коуде. Вернувшись в Советскую Карелию после окончания сплава, я снова был в Кангасярви на передаче лесоматериалов в Финляндии.

Вся эта деятельность была связана с развитием хозяйства нашей республики и, естественно, что я то и дело должен был докладывать о делах товарищу Гюллингу.

Каждый раз, когда я, в течение ряда лет, потом был в Петрозаводске, я всегда заходил на беседу с тов. Гюллинг.

Он был умный государственный деятель, прекрасный организатор, хороший товарищ. Когда нужен был хороший совет или помощь, то тов. Гюллинг был несравненным помощником и всегда поддерживал удачные идеи.

Для многочисленных ветеранов труда старшего поколения нашей республики имя Яаакко Корхонен очень знакомо. Его хорошо знают так же в Олонецких Алавоитях, где Яаакко жил послевоенные годы, посильно занимался садоводством и писал свои воспоминания. Из его книги богатой воспоминаниями

«Пуналиппу» напечатала два обширных отрывка «Мужики в боях такакаину» и «Мужички в легионе».

В 1930 годах Яаакко Корхонен служил хозяйственником в подсобном хозяйстве издательства «Кирья» в Виитанах.

За эти годы в его памяти ярко остались две встречи с Эдвардом Гюллингом. Твердо уверен, что все люди, с которыми я разговаривал, подчеркивали его простоту в обращении с людьми, его умение приспособиться к существующим обстоятельствам, его тонкое понимание юмора.

Яаакко Корхонен, сам любитель сочного юмора, не мог без веселья вспоминать те веселые ситуации, в которых он встречал главу Карельского правительства.

Яакко рассказал:

- Первый раз это было летом в июле 1934 года.

В совхозе Хиилисуо (Hiilisuo) в одно из воскресных дней в конце месяца был летний праздник. И мы с Виитонов из подсобного хозяйства «Кирья» были там.

Товарищ Эдвард Гюллинг тоже уже приехал туда. Тут собственно до начала праздника нас представили ему.

Гюллинг сказал:

- Пойдемте-ка знакомиться с хозяйством. Я слышал, что кто-то из прибывших из Америки побывал в Финляндии, чтобы купить на собственные средства много десятков голов породистого скота.

Где то нашли этого человека. Старый холостяк (его имя вроде было Харью). Его отправили к Гюллингу, Гюллинг спросил:

- Каким образом ты пришел к мысли, что необходимо купить этих коров?

- Но, когда у меня этих заработанных денег собралось больше, чем мне необходимо для собственных целей, то я подумал, что хозяйству необходимо приобрести настоящих молочных коров, из этих местных навозных хвостов толку не будет, - ответил мужик.

- Ну, пойдете-ка смотреть на новых пришельцев, - посоветовал Гюллинг.

Скот был поблизости в огороженном месте. Мы протолкнулись через воротца. Там мы остались стоять, любуясь стадом из нескольких десятков красивых, розоватых безрогих коров.

Кажется, это был Аатами Тенхо, который заметил, что Гюллинг наступил в большую навозную лепешку, и он сказал как бы, между прочим:

- Все же финская пословица правду говорит.

- Так какая же это пословица? - спросил Гюллинг тоже как бы, между прочим.

-Что нога хозяина поле удобряет – ответил Аатами Тенхо и показал на ногу Э. Гюллингу

- Но, сравнение, оказывается, уместное, – проговорил Гюллинг и пошел к ближайшей куче бревен и сел. Ботинок скоро стал чистым и веселый разговор продолжился.

Гюллинг рассказывал, что здесь мы не можем еще организовать с кормами так, чтобы высокопродуктивный скот был бы полностью обеспечен, но, как он узнал, вот эта восточно-финская безрогая менее требовательна и довольствуется малым. Она выдержит наши условия и из нее нужно будет вырастить основную породу для Карелии. Гюллинг от Карельского правительства и от самого себя поблагодарил подарившего коров за руку.

Весной 1935 года, в конце апреля, я встретил тов. Гюллинга вторично. Было раннее воскресное утро, прекраснейшее из весенних дней. Мы с женой начали работу в парниках. Солнце только выглянуло из-за леса.

Мы заметили, что со стороны Петрозаводска приближается черный легковой автомобиль. В то время еще немного легковых автомобилей ездило по дорогам Карелии.

Поэтому эта большая особая машина обращала на себя внимание. Она ехала медленно, т.к. ранняя весна довольно крепко испортила дорогу. Приблизившись, автомобиль повернул и въехал в ворота, подъехал к свинарнику и остановился. Дверь открылась и, одетый в темное пальто рослый мужчина вышел на дорогу. У него была солидная трость и, немного хромя, он направился в нашу сторону.

- Так это же товарищ Гюллинг, – сказал я своей жене.

Гюллинг поздоровался с нами за руку и сказал:

- Но разве сейчас не успевают отдохнуть даже в выходные – раз уже хлопчут, хотя время еще 6 часов.

- Рассада была закрыта ночью, и теперь нужно дать ей солнечный свет, – сказали мы.

- Но скажите, каким чудом вы смогли вырастить такую великолепную и сильную рассаду? Он показал на рассаду, растущую в парнике.

- Пойдем, посмотрим, что для этого нужно,- ответил я Гюллингу.

Мы пошли к свинарнику. Ночью к нему привезли из Петрозаводска около пятидесяти ящиков закрытых крышками весом по полсотни килограммов полных навоза из уборных. Позади свинарника была видна куча болотного ила и дерна величиной с комнату. Мы объяснили, что это все смешивают и используют как удобрение.

Гюллинг поднял крышку одного ящика, откуда вырвался известный запах.

- Скажите, как эта смесь действует, и кто ее изобрел?

- Это придумали товарищи Тенхо и Питкянен. Мы сделали около трехсот этих ящиков. Потом мы согласовали с хозяйственными организациями Петрозаводска, что они платят нам рубль за ящик, когда мы его вывозим. У них есть люди, которые чистят отхожие места в эти ящики. Так мы получаем бесплатное удобрение для наших полей.

- Использует ли эту систему совхоз №1 из Хиилисуо?

- Не знаем точно как первый, но к Хиилисуо определенно возят со свалки, которая около города...

Гюллинг взял блокнот и карандаш, записал что-то, спрашивая подробно обо всем. Потом сказал:

- Пойдем-ка, разбудим этих любителей поспать.

- там, конечно, уже проснулись, раз скотники и доярки направлялись уже к коровнику.

И так, мы пошли на утреннее чаепитие.

Гюллинг начал расспрашивать Аатами Тенхо, когда можно приехать попариться в бане. Тенхо, оказывается, говорил Гюллингу при их предыдущей встрече в Петрозаводске, что скоро баня будет готова.

- Сразу после окончания весенних работ будет готова,- сказал Тенхо.

- И сразу на первые пары пошли вызов мне, – засмеялся Гюллинг.

- Несомненно.

К концу лета баня была готова. Гюллингу послали приглашение в баню. Хозяйка Вартиянена протопила и помыла баню. Она прямо светилась чистотой и новым деревом, но, несмотря на это, женщины отнесли в баню и расстелили на полы и на скамейки чистые простыни. В предбаннике на столе также была расстелена чистая скатерть.

Когда Гюллинг приехал, мы сказали ему, что сейчас можно идти мыться. И так он пошел до бани, которая находилась на берегу реки. Но пришел вскоре обратно во двор, где мы стояли и разговаривали после окончания работ. Когда Гюллинг подошел к нам, он сказал немного с искусственно командным тоном в голосе:

- Никуда не годится, чтобы один мылся. Марш всей толпой, все мужики!

- Ну, пойдем тогда, - согласились мужчины.

Скоро баня была полна, и в горячем пару шел веселый разговор. Кажется, немного соревновались, кто выдержит самый горячий пар. Оказалось, что и Гюллинг не был первым, кто сбежал вниз с полатей.

Его шофер, в то время как мы парились, привез в предбанник ящик с пивом. После горячей парилки мы пили бокалы за новоселье бани. После мужчин и у женщин была такая же процедура.

В вечерних сумерках мы проводили до ворот нашего гостя. Пожимая ему руку, мы пожелали ему много энергии и долгих лет работы.

Это была моя третья и последняя встреча с товарищем Гюллингом.

* * *

Иногда, начиная беседу с совершенно незнакомым человеком из старшего поколения, разговор вдруг переходит на Эдварда Гюллинга. Так в один серый ноябрьский день я ехал на своей машине из Коссалми в город. Стоящий на остановке маршрутного автобуса в Шуйской Чупе, пожилой мужчина поднял свою руку. Я пригласил его сесть в машину. Он вежливо поблагодарил, поправил свою ногу в более удобное положение и начал рассказывать, как зайцы прошлой весной сгрызли кору с его яблоней.

Разговорчивый старик производил впечатление, по крайней мере, 80-тилетнего.

Своими вопросами его рассказ я направлял в сторону, которая меня интересует. Оказалось, что Сергей Васильевич (это было его имя) лучшую часть своей жизни работал в качестве инженера-энергетика и участвовал в проектировании первых строек энергетики Карелии, в том числе, Кондопожской гидроэлектростанции. После окончания гражданской войны его послали учиться из Карелии в Петроградский институт. Там были и многие другие студенты приезжие из Карелии, и они организовали Карельское землячество. Время было очень трудное. Положение с продовольствием тяжелое, общежитие не отапливалось из-за отсутствия дров. Как то, приехавшие из Карелии, студенты узнали, что председатель революционного комитета Карелии Гюллинг прибыл в Петроград. На собрании общества студенты решили обратиться к нему и выбрали своим представителем Сергея Иванова.

Эдвард Гюллинг его принял в своей комнате в гостинице, внимательно выслушал, что Сергей рассказал и задал еще много вопросов, которые касались жизни и учебы студентов.

- Положение и в Карелии трудное, но поможем вам, чем только сможем,- сказал Эдвард Гюллинг. - Пошлем первым делом дрова... Но вы, парни, постарайтесь учиться хорошо. Скоро начнем

поднимать индустриализацию Карелии, и тогда понадобятся умелые и энергичные инженеры.

Рассказ Сергея Васильевича напомнил мне о находящемся у меня в заметках и относящимся к этому же вопросу материале событий.

Накануне дня 90-летия со дня рождения Эдварда Гюллинга (28.11.1971г) газета «Ленинская правда» издала письмо, присланное из Одессы от пенсионера майора медицинской службы Н. Митрофанова. Он писал, что, так как впервые годы советской власти в Карелии не было своих высших учебных заведений, то правительство Карелии договорилось, что в высших учебных заведениях Ленинграда будут готовить специалистов для Карелии. Так десятки молодых парней и девушек, которых направили из Карелии, получили возможность учиться.

Время было очень бедное. Правление общества Карельских студентов, которое было создано в 1920 году, поручило своему тогдашнему председателю М. Митрофанову попросить помощи у Карельского правительства. Выслушав внимательно просьбы студентов, Эдвард написал письмо непосредственно Петроградскому городскому исполнительному комитету, и той же весной общество Карельских студентов получило для своего общежития квартиру по ул. Литейной, 16. Когда Митрофанов об этом сообщил Гюллингу, тот очень обрадовался и дал указание о снабжении общежития дровами.

Карельское правительство решило выдавать нуждающимся студентам ежемесячно стипендию по 25 рублей. Вначале 1922г общество получило еще одну квартиру на ул. Кирочной. В скором времени там открылась студенческая библиотека и через год столовая, где студенты могли питаться по низким ценам.

Эти и многие другие мероприятия в пользу отправленных из Карелии студентов были осуществлены благодаря заботе Эдварда Гюллинга и с его участием.

* * *

24 августа 1931г. Совет Народных комиссаров Карельской АССР решил основать первое высшее учебное заведение Карелии – педагогический институт.

Тогда еще и не было даже здания для создаваемого института. Также не хватало учителей. Знали также, что не найдется желаемое количество молодежи, окончившей среднюю школу. Поэтому из практических целей образовали только один физико-технический факультет. На него приняли 120 учащихся, из которых половина должна была быть национальной, другая половина – русской. Поскольку не у всех было достаточно образования, первых учащихся решили принять без вступительных экзаменов.

Итак, в октябре 1931г Эдвард Гюллинг тепло поздравил учащихся и учителей нашего первого высшего учебного заведения, особо обращая внимание на то, что открытие этого учебного заведения - лучшее доказательство быстрого роста социалистического строительства в Карелии, и, также, лучшее проявление правильности Ленинской политики.

Через три года в высшем учебном заведении было уже четыре факультета. Карельское правительство отпустило средства на строительство нового крупного учебного здания.

Когда в 1982г в нашей республике праздновали 50-летие Карельского государственного педагогического института, превратившегося в крупный очаг знаний, собрались многие бывшие студенты и ветераны учителя. Вспоминая прошедший пятидесятилетний путь, не забыли упомянуть имя Эдварда Гюллинга, прекраснейшей мечтой которого было основание в Карелии высшего учебного заведения, и для чего он пожертвовал столько времени и сил.

Так Мария Андреевна Никитина Хямляйнен пишет:

-Я окончила высшее учебное заведение в 1935г. Так как мы первые заканчивали первое высшее учебное заведение Карелии,

председатель Совета Народных Комиссаров Карелии Эдвард Гюллинг пригласил нас на прием. Это было запоминающееся событие. Товарищ Гюллинг поздравил нас тепло по поводу окончания высшего учебного заведения. Он рассказал о развитии нашей республики...

Когда говорят о развитии культуры, науки и искусства в нашей республике за годы советской власти, почти всегда приходится уточнять, что Эдвард Гюллинг был организатором, зачинщиком и основоположником дела. Следует помнить, что, будучи председателем Совета Народных Комиссаров, Гюллинг одновременно руководил работой научно-исследовательского института нашей республики.

Известные композиторы и деятели музыкальной жизни Карелии Калле Раутио и Лаури Иосинен рассказывали часто, как Эдвард Гюллинг помогал в основании музыкального училища, симфонического оркестра, филармонии.

Работники театра нашей республики также не забыли участие Эдварда Гюллинга в создании финского драматического театра ставшего теперь известным ...

То же самое мы могли бы рассказать и о литературе, живописи и издательстве.

Когда 5-го ноября 1920г, в скором времени после основания Карельской Трудовой Коммуны, вышла первая национальная газета «Карельская Коммуна», то она была отпечатана на печатной машинке, которую Эдвард Гюллинг достал в Петрограде...

Пожалуй, одной из самых замечательных черт Э.А. Гюллинга было его неиссякаемое желание найти одаренную карельскую молодежь и направить ее на учебу приобретать знания и умение во всех областях хозяйственной и культурной деятельности, чтобы они смогли создать новую и счастливую свою родную Карелию.

Крестины

С детства у меня в памяти остался прочитанный мною рассказ Оскари Юхансена «Дед Торойнен побывал на открытии Кондопоги» (он печатался в 1929 году в Кевятвяуру).

Рассказ начинался как-то необычно: «Там сидел опять старый старик Торойнен, ругая на все лады советскую власть».

Это сразу привлекало внимание тогдашнего читателя: что за этим следует?

« Вы хотите все старое уничтожить,- жалуется дед Торойнен комсомольцу Сенке.

- Если заработаешь себе четыре коровы и пару лошадок, сразу превратишься в кулака...

- У тебя отобрали?

- Ну, почему у меня, - не у меня».

Дед Торойнен весь свой век был гол как сокол, советская власть его освободила даже от всех налогов.

Сенка пришел, чтобы предложить облигации «укрепления сельского хозяйства» и сумел все же уговорить деда купить десятирублевую облигацию, хотя вначале тоже упирался: - Ни копейки не дам!

Дальше писатель рассказывает, как Торойнен с Сенкой попали на открытие Кондопожской гидроэлектростанции:

« Уже пришел поезд на станцию. Приехали делегаты всекарельского собрания. Трубы громко играют марш...

Вместе с другими путешественниками дед Торойнен пошел на бумажную фабрику и гидроэлектростанцию.

Дед абсолютно ничего не понимал в гигантской машине, длину которой он старался измерить шагами, и не больше о турбинах, но, когда выбрался в сторону из толпы, дернул за рукав Сенки и прошептал:

- Должно быть, у них в головах есть еще что-нибудь, кроме вшей. Как ты думаешь?

Наконец, дед присутствовал на тираже государственного займа и выиграл на 10-ти рублевую облигацию 500 рублей.

- За какие блага бесплатные деньги?!

Столько денег у деда никогда не было. На эти деньги он смог бы купить новую избу, т.к. старая крыша уже угрожала упасть на голову.

В течение дня мир настолько для деда просветлел, что он сказал:

- Я готов купить сейчас этих облигаций десять штук.

Дед Торойнен немного понял, что означает строительство социализма».

* * *

Торжественное открытие Кондопожской силовой станции было 13 января 1929 г.

Эдвард Гюллинг на открытие взял с собой и сына Вальтера.

Вокруг железнодорожной платформы собралось много строителей и крестьян, прибывших с ближайших деревень. Развивались красные флаги, и на одном большом транспаранте можно было прочитать:

«Товарищ Ильич, строители Кондопожской гидроэлектростанции выполнили твое указание – электростанция готова!»

Эдвард Гюллинг приветствовал и поздравлял строителей и гостей праздника.

После посещения фабрики председатель Совета народного хозяйства А.Н. Лесков открыл торжественное собрание.

Со стороны Никозера было слышно три сильных взрыва. Ледяные преграды рухнули, и собравшаяся перед временной плотиной вода устремилась в канал.

Вечером в присутствии строителей и гостей Гюллинг и Лесков перерезали ленты, включили ток в сеть, и вспыхнули огни новой Кондопоги.

Ялмари Виртанен прочитал стихи: (нет перевода).

После открытия в доме культуры было заседание 8 съезда Советов Карелии.

Вальтер помнит, что там выступали многие из приехавших гостей: со строительства Свирской силовой станции, с Ленинградской партийной организации, из Москвы прибыл представитель совнаркома, член центрального комитета финской коммунистической партии Ютье Сирола...

Читали поздравительные телеграммы от С.М. Кирова, В.В.Куйбышева, президиума высшего Совета народного хозяйства СССР.

Начавшаяся снежная буря не смогла уменьшить радостного настроения Кондопожцев и сиявшего над городом нового сильного света...

Вальтер еще помнит, как после празднеств директор бумажной фабрики Ханнес Ярвимаки пригласил Эдварда Гюллинга и еще многих гостей к себе домой на ночь.

Немного уставший после событий дня, Эдвард Гюллинг шагал по занесенной снегом дороге, опираясь тяжелее обычного на трость. Но настроение было хорошее.

Когда попали домой к Ярвимаки, оказалось, что кроватей хватало далеко не всем, прибывшим в избу. Под веселый смех и шутки хозяин устраивал рядышком матрацы на полу продолговатой комнаты. На них и хватило места для десятка гостей.

Эдвард Гюллинг не хотел никак использовать свое преимущественное право на кровать, но ему пришлось подчиниться желанию коллектива.

Усаживаясь на край кровати, он заполнил свою трубку и сказал:

- Следующим летом пойдем на мраморные каменоломни Тиутиа. Настало время начинать усиленно строить жилье в Карельских городах. Для этого требуется много хороших строительных камней. Но сейчас, товарищи, отдыхать. Завтра впереди рабочий день.

Мартин Андерсен-Нексе на Беломоро - Балтийском канале

Станислава Колосъенок знают в Карелии многосторонним работником культуры – издателем, театральным критиком и газетным сотрудником. В свое время он успешно руководил управлением искусств республики. Он написал множество книг о театре, музыке и живописи Советской Карелии.

Встретив недавно заслуженного ветерана культурного фронта, я спросил, приходилось ли ему когда-нибудь встретиться с Эдвардом Гюллингом.

- Даже много раз.

- Расскажи, друг хороший!

Станислав Витальевич углубился в свои мысли. Через некоторое время по его лицу засияла игривая улыбка.

- Может быть, тебя заинтересует посещение Марином Андерсеном – Нексе (Martin Andersen-Nexön) Карелии в 1933 году?

- Конечно.

Как известно, у Эдварда Гюллинга было много друзей среди известных писателей Скандинавии. И не только Скандинавии. В те годы в Карелии гостили венгерский писатель Бэла Иллеш, финский драматург Хелла Вуолиски, латвийский писатель Линард Лаисен, который перевел Калевалу на свой родной язык и многие другие всемирно-известные мастера слова...

Я в то лето получил от Эдварда Гюллинга приглашение посетить его.

В рабочем кабинете председателя Совета народных комиссаров я увидел, кроме Гюллинга, Кертту Нуортева и основателя государственного издательства «Кирия» Хейно Раутио.

Не спеша, заправляя свою трубку, Эдвард Гюллинг начал понемногу:

- Вы, наверно, слышали, что известный датский писатель Андерсен – Нексе приехал в Петрозаводск. Он хотел бы увидеть Беломоро – Балтийский канал. Посовещавшись, мы выбрали вас помогать писателю во время путешествия. Сможете ли вы поехать?

У нас не было причин для отказа от такого заманчивого предложения - познакомиться со знаменитым писателем.

- Прошу Хайно Раутио стать основным организатором путешествия. Кертту, как владеющую немецким языком, стать переводчиком. И вы, товарищ, Колосъенок, как ответственный секретарь совета писателей Карелии, расскажете нашему гостю во время путешествия о перспективах литературы Карелии. Эти вопросы интересуют Мартина...

Эдвард Гюллинг сказал, что нам дадут особый вагон, находящийся в распоряжении Карельского правительства. Он попросил нас по возможности лучшим образом позаботиться о пожилом писателе и пожелал нам доброго пути.

Мы пришли в назначенное время на тогдашний старый Петрозаводский вокзал.

Проводник, производивший впечатление симпатичного русского мужика среднего возраста, указал нам наши места. Мы договорились с ним о практических вопросах, касающихся дороги, и спустились на перрон ожидать наших подопечных.

Через некоторое время автомобиль марки «Бьюик» прибыл на вокзальную площадь.

Эдвард Гюллинг сам провожал Андерсена – Нексе и его молоджавую жену.

После теплых прощаний путешественники поднялись в вагон. Когда поезд поехал, Мартин Андерсен – Нексе некоторое время наблюдал из вагонного окна за проплывающей мимо природой и потом улегся отдыхать. Мы, сопровождающие, остались в своем купе беседовать о предстоящих обязанностях. Мы попросили проводника организовать писателю чай и небольшой завтрак. В вагон в большой двухъярусной корзине были принесены обильные и вкусные продукты, также и несколько бутылок коньяка.

В то время в нашей стране было строгое распределение продуктов питания, но мы сочли правильным, что позаботились так хорошо об Андерсен – Нексе ...

На Медвежьегорском вокзале нас встречал председатель исполкома района. После приветствий наш вагон перевезли на запасной путь, и он стал нашим жильем в Медвежьегорске.

В тот же день мы сделали визит вежливости к начальнику Беломорско – Балтийского канала Раппопрту. Разговор шел на немецком и русском языках, и Кертту Нуортева была переводчицей.

Услышав желание писателя путешествовать на пароходе по новому каналу, Раппопрт сказал:

- Отдохните немного от дороги и сначала познакомьтесь с Медвежьегорском и прекрасной природой окружающей его. Как раз в эти дни по каналу проводят плоты бревен и грузовые паромы. Сразу, как они пройдут шлюзы, мы организуем путешествие на лодке по каналу.

Он прибавил еще вежливо, что все другие пожелания будут выполнены с удовольствием. Прекрасная летняя природа Медвежьегорска сияла в своей прелести, и гости восхищались по-настоящему игрой солнечных лучей на Онежском озере, сочной зеленью хвойных лесов и золотом пляжей. Путешествовали прямо до изнеможения.

Вечером я рассказывал Андерсену – Нексе о новейших произведениях советской литературы. Писатель попросил прочитать ему на русском стихи Владимира Маяковского, с которыми он раньше познакомился на немецком языке. Он очень восхищался Маяковским.

Мы разговаривали также о перспективах Карельской литературы. Я в то время был главным редактором журнала «Ударник слова» и альбома «Начало» и непосредственно встречался также с товарищами, которые писали на финском языке.

Андерсен – Нексе хорошо знал Ялмари Виртанен. Я рассказывал ему, что и из потомственных карелов так же вышли известные писатели. У нас много изданий на языке народа...

На следующий день мы ходили любоваться протекающей в глубоком ущелье Кумтосрекой с круто восходящими скалами по обоим ее берегам.

- Здесь же почти как в горах Швейцарии,-

- Воскликнула жена писателя.

- Что это за белые здания на том берегу? – спросил Андерсен - Нексе.

- Там первый санаторий в Карелии, построенный за годы Советской власти...

- Трудно вообразить себе более удачное место для туберкулезного санатория. Прекраснейшая природа, сосновый лес, сухие песчаные поляны, рядом освежающая вода...

- Пойдемте-ка прямо на место и осмотрим все...

Для этого надо было спуститься к берегу порожистой Кумсы (Kumsan), перейти реку и подняться по противоположному крутому берегу, т.к. санаторий находился на ровной вершине горы.

Главный врач санатория, симпатичная с виду женщина, удивилась, когда узнала, кто к ней пришел в гости. Сначала Керту Нуортева переводила, но через небольшое время, врач сама начала говорить на немецком языке с Андерсеном – Нексе.

Керту приходилось переводить только на русский язык.

Врач интересовалась тем, какая программа была организована для гостей в Медвежьегорске.

- Я хочу проплыть по каналу, – сказал Андерсен – Нексе.

Вечерами в Медвежьегорске мы разговаривали о литературе, читали стихи. По нашей просьбе Андерсен – Нексе рассказывал о своих произведениях.

Сразу после гражданской войны Андерсен – Нексе написал о своем путешествии по Карелии очерк о Карелии, который был переведен на многие европейские языки. Правдивый рассказ о трудностях молодой Советской страны рассеял многие предрассудки, распространяемые буржуазной прессой о Советской

России и его северной территории Карелии. Мартин Андерсен – Нексе говорил особо тепло о Эдварде Гюллинге:

- Он безгранично влюблен в Карелию. Благополучие Карелии, видно, для него все.

Он заботится как об обыкновенных людях, так и о больших перспективах развития, он умеет сочетать великие и незаметные дела в одно целое. Большое счастье для Карелии, что Ленин послал сюда Эдварда Гюллинга строить социализм.

Писатель с супругой сошли с вагона. Толстоватый Андерсен – Нексе сел на вагонную ступеньку, и его жена начала чистить ботинки мужа.

Тут случайно прошли мимо двое железнодорожников. Они остановились на некотором расстоянии и качали недовольно головами.

- Выдает себя за советского поэта, но не удосуживается чистить свои ботинки.

- Есть ли у него с собой постоянная горничная?

- Гнилой буржуа.

Я услышал разговор мужчин и догадался, кого они имели в виду. Всемирно известный советский поэт небольшого роста и широкий, Демьян Бедный за несколько дней до нашего приезда гостил на канале.

Я пошел к мужчинам и сказал:

- Товарищи, это не Демьян Бедный. Это известный датский пролетарский писатель Мартин Андерсен – Нексе. Он большой друг Советского Союза. Наш гость уже стар и также болен. Что плохого в том, что жена ему помогает.

Мужчины немного смутились:

- Ну, как это он похож. Совсем как Демьян Бедный.

- Ну и повезло же старому мужику поймать себе молодую жену! Годилась хотя бы в дочери, - прибавил второй.

Мужики ушли.

Я не знал, какая была разница в возрасте супружеской пары. Может быть, жена была так моложава только с виду. Она успела рассказать, как буржуазные издатели избегали Андерсена – Нексе

и иногда с доходами семьи было очень туго. Поэтому пришлось приобрести маленькое имение, где было шесть коров. И она сама за ними ухаживала. Труд на свежем воздухе сохраняет человека молодым. - Чтобы папе хватало молока...

После завтрака мы пошли в здание правления канала. Раппопорт, улыбаясь, встретил нас у дверей, поздоровался и сказал:

- Надеюсь, вы не скучали в Медвежьегорске. Мне как раз позвонили, что ночью грузовые паромы прошли канал, другие из них плывут по Онежскому озеру, третьи - по Уйкуозеру. Вы готовы в дорогу? Моторная лодка ожидает вас в порту Повенца.

- Наверно, был большой караван? – спросил Андерсен – Нексе.

- Был, – подтвердил Раппопорт:- Время навигации на Севере короткое, приходится торопиться и днем, и ночью. Развивающееся хозяйство требует многого. Даже уже и Сегежский комбинат подключили. Там вы увидели бы, какие громадные изменения произошли в Карелии со времени вашего последнего посещения...

В Повенец мы ехали на автомобиле через сосновые рощи, растущие на песчаной почве, прекрасные, как картины. Моторная лодка ждала нас у пристани. Путешествие началось. Мы поднимались от шлюза к шлюзу, как по лестнице. Шлюзовые механизмы действовали безупречно.

Когда мы приплыли на какое-то озеро, начался довольно сильный ветер. Жена писателя закуталась в свою накидку и начала покашливать.

Андерсен – Нексе сказал заботливо:

- Друзья. Давайте причалим к берегу. Я не хотел бы, чтобы моя жена простудилась.

В Воятсу находился дом отдыха работников правления канала. Там приехавшего издалека гостя угостили торжественным ужином. Присутствовал сам Раппопорт. Произносили речи, увлеченно разговаривали.

Среди присутствующих старых инженеров были и такие, которые прибыли на строительство канала против собственного

желания, а именно для того, чтобы трудом реабилитировать себя за совершенные ими преступления против Советской власти. Здесь они поняли свои ошибки и заблуждения. Честным трудом они заслужили новое доверие, стали равноправными и признанными гражданами страны. Например, способный главный инженер канала Цук. На его груди сверкал орден Ленина (позднее инженер Цук участвовал в создании гидроэнергетического института, которому потом было присвоено его имя).

Андерсен – Нексе разговаривал увлеченно с ними и рассказывал, какие ужасы описывались в буржуазных газетах запада о строительстве Беломорско – Балтийского канала. Что он построен на человеческих костях, что это строительство, где работают рабы.

Собаки лают, а караван идет,- сказал кто-то из присутствующих.

Когда мы вернулись в Медвежьегорск, Мартин Андерсен – Нексе за ужином рассмеялся:

- Вот хорошо, что Эдвард сообразил послать с нами коньяк.

Он поднял наполненный бокал и сказал:

- Спасибо вам, друзья!

Все, в конце концов, прошло замечательно. Он обратился к жене: - и ты, мое золотце, тоже попробуй коньяка. Это наилучшее средство от простуды.

Я рассказал, как железнодорожники Медвежьегорска приняли его за Демьяна Бедного и ругали его, говоря, что он буржуй.

- Ха-Ха,- засмеялся довольно Андерсен – Нексе: - Это нужно будет обязательно рассказать Демьяну Бедному.

Ужин прошел под шутки и интересные разговоры.

Когда потом вернулись в Петрозаводск, и Колосенок побывал у тов. Гюллинга с рассказом о том, как прошло путешествие, тот усмехнулся, куря свою трубку.

- Спасибо. Хорошо вы, оказывается, справились со своей задачей. Мартин Андерсен – Нексе был доволен своим путешествием. Было очень важно, что он побывал на канале, в

Медвежьегорске и на берегах Уик озера. При разговоре со мной он удивлялся, как в такое короткое время справились со строительством громадного комбината, канала и энергетических сооружений. Он, очевидно, напишет о том, что увидел. Рабочие Скандинавии хорошо знают Андерсена – Нексе и доверяют его книгам. Они всегда были твердым куском в горле капитала и его прислужников.

В конце Эдвард Гюллинг пожелал, чтобы писатели Карелии чаще бы посещали новостройки, совхозы и лесоразработки. Он сказал, что следит за нашими изданиями и что читал многие книги.

- Начало хорошее, но, как говорят,- в конце спасибо стоит. Пишите больше о Кондопоге, совхозе «Угольное болото» об электрификации Ухты, земледельцах Олонца, о промышленности Петрозаводска. Везде там найдете хороших людей, трудолюбивых строителей социализма.

Знаменательные даты

Я перелистываю очень богатый по содержанию труд, изданный в 1931 г. «Десять лет Советской Карелии 1920-1930». Книга написана на коричнево - серой бумаге, внешне она выглядит очень скромно. Но ее содержание, ее дух значителен и восхищает.

В сборнике среди изданных статей с удовлетворением можно прочитать подробную статью «Десять лет Карельской автономии». Там даны исчерпывающе выводы и подведены итоги о достижениях Карельского народа в годы Советской власти.

После описания о разрушениях, которые нанесла гражданская война и последующие за ней трудные времена, Эдвард Гюллинг пишет в том числе:

«В это трудное время в Карелии начали все же народное просвещение, открыли педагогическое училище, первые национальные школы, национальную газету, даже начали строительство дорог – хотя вначале не могли достать даже лопаты, кроме как в заем у военного ведомства».

И тут же рядом о многом говорящий снимок с дорожными работами, - перевозка земли производится на тачках.

Какой большой шаг Советская Карелия сделала за эти прошедшие 10 лет! Уже действовали 448 школ первой ступени, из них 250 на Карельской территории. Начали обязательное всеобщее обучение. Как признак технического обновления сельского хозяйства было более 300 кооперативных хозяйств по осушке болот, десятки коллективных хозяйств и многие примерные сельскохозяйственные коммуны, и совхозы, как «Сяде», «Рохян поят», «Хиилисуо». Даже одних новых лесопилок построили пять, и общая производительность лесопильной промышленности возросла многократно по сравнению со временем царской власти. В Карелии были созданы совершенно новые области промышленности, такие как, бумажно-целлюлозная, машиностроительная, машиностроительная, лыжная и стройматериалов. Положение с электроэнергией совершило головокружительный шаг.

В конце статьи Э. Гюллинг подтвердил:

«Начиная второе десятилетие самостоятельного развития, Карелия может с удовлетворением констатировать, что не только ее собственное развитие продвинулось вперед, но и молодая Карельская республика сумела выполнить задания на общем строительстве вместе с Советским Союзом. Еще не было случая, что доверенные Карелии участки фронта строительства остались бы невыполненными. Рабочая власть Карелии также крепко стоит на охране западной границы».

Фотографии, приложенные к статье, также рассказывают об изменениях, происшедших в Карелии:

Заседатель сельсовета Вуоккиниemi; всесоюзный староста в Карелии, М.И. Калинин;

строительство дороги в Карельской тайге; дом крестьянина в Петрозаводске;

бумажная фабрика в Кондопоге; снимок машинного зала электростанции, добыча мрамора;

заместитель наркомпроса Параскева Андреева - первая карельская женщина, член правительства;

всекарельская партийная конференция; новый клуб в Соломенах;

отдых на Песчаном берегу; первомайская демонстрация в Петрозаводске;

Кондопожские ударники; молодые пионеры; спортивные состязания в Ухте;

железная лошадь на лесоразработках; лесопильня в Сунах;

новый современный скотный двор в коллективном хозяйстве.

Была так же фотография знаменитого шлюза Ялмоса на перешейке, от верхней к средней Куйтами и т.д. и т.д. На одной фотографии Гюллинг и Карельский староста Нуртева слушают на Всекарельском съезде депутатов приехавшую женщину, передаваемую наказ своих односельчан.

* * *

В 1931г вышел и второй труд, в котором рассказывалось о вышеупомянутых делах, но в особенном стиле – с включением статистических данных. На титульном листе этого библиографического редкого экземпляра можно прочитать:

Советская Карелия. Описание развития хозяйственного и культурного развития Карелии за время Советской власти.

Доклад исполнительного комитета Карелии на 14-м Всероссийском съезде центрального исполнительного комитета на третьем заседании.

Написанное на обложке событие освещено в описании Макарьева «На пороге второго десятилетия», изданном в объединенном первом и втором номере журнала, под названием «Карело-Мурманский край в феврале 1931г (стр. 6-8).

Цитирую из начала описания:

«28-го декабря 1930г в Андреевском зале Кремлевского зала Карельская национальная Советская республика выступила с итогами за десятилетний период.

- Право голоса для доклада предоставляется тов. Гюллингу – объявляет всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин и громкие аплодисменты заглушают его слова.

XIV Всесоюзный Центральный Исполнительный комитет на третьем заседании заслушал отчетный доклад правительства Карелии. Не было случайностью, что в повестке дня стоял доклад о деятельности Советской Карелии, так же как и не было случайностью то, что с докладом выступал товарищ Гюллинг, которого встречали бурными аплодисментами.

Карелия находится на передней границе Советского Союза и Финляндии и рабочему классу Советского Союза необходимо знать, как Карелия строит свое молодое социалистическое хозяйство и какие его достижения и удачи в этой области.

Забывтая окраина царской России, суеверный, темный и национально угнетенный край, такой была Карелия еще в недалеком прошлом. Теперь Карелия превращается в край неограниченных возможностей...»

Дальше в описании рассказывается подробно, с цифрами и примерами о развитии Карелии в областях хозяйства, культуры, народного просвещения, здравоохранения, строительстве дорог и национального развития.

В конце статьи я приведу еще следующие значимое подтверждение:

«Пролетариат Советского Союза видит, что Карелия на одном из передовых мест среди автономных республик, и враги Советской страны ломают свои зубы об эту гранитную крепость».

В связи с днем 10-летия Карельской Автономной Социалистической Советской Республики Советское правительство наградило Эдварда Гюллинга орденом Трудового Красного Знамени. Это было большое признание, соответствующее заслугам.

* * *

В 1931г население республики отмечало в театре «Триумф» в Петрозаводске 50-тый день рождения Эдварда Гюллинга. Было много речей, поздравлений, приветствий.

Секретарь обкома партии Карелии Густав Ровио, который в годы революции был доверенным Ленина, в своей приветственной речи сказал: «В проведении национальной политики Ленина в Карелии, так же как в укреплении строительства социализма Карелии товарищ Гюллинг выполнил работу значительно больше, чем кто-нибудь другой из членов партийной организации Карелии. За это ему полное признание и безграничное товарищеское поздравление, к которому наверняка присоединятся все трудящиеся Карелии и многочисленные организации».

Один из ближайших сотрудников Э. Гюллинга, заместитель председателя совета народных комиссаров карел Александр Лесков, в обширной речи сказал о конкретных результатах труда Эдварда Гюллинга в социалистическом строительстве. Он сказал, между прочим:

- В то время самым мощным рычагом для развития народного хозяйства был бюджет... По предложению Эдварда Гюллинга правительство Советской России одобрило положение об особых бюджетных правах Советской Карелии. Из месяца в месяц, из года в год товарищ Гюллинг сосредотачивал свое внимание и работу на ту область строительства, которая в то время имела решающее значение.

Читали также приветствия от коммунистической партии Финляндии:

«Тов. Гюллинг, Петрозаводск.

Привет тебе, передовому борцу бедноты Финляндии, выдающемуся борцу коммунистической партии Финляндии, строителю Советской Карелии и организатору будущих побед социалистической революции Севера. Мы верим и знаем, что годы

не смогут ослабить твою большую энергию и умение в проведении руководимого Ленинской партией исторического гигантского труда.

*Куусинен, Сирола, Антикайнен,
Оянен, Лехтосаари».*

Внимательно слушали полученную из Ленинграда телеграмму:

«Петрозаводск, Совнарком, Гюллингу.

«В день Вашего 50-летия обком Ленинграда выражает свое пожелание, что Вы и в дальнейшем будете плодотворно участвовать в героической борьбе рабочего класса в большом социалистическом строительстве».

Коллонтай, Смирнов».

От президиума центрального исполнительного комитета Советского Союза произнес приветствие Александр Шотман:

- Получив от Советского правительства задание, - организовать республику Карелия, Эдвард Гюллинг хорошо справился с этой трудной задачей. За эти прошедшие одиннадцать лет из бедной Карелии выросла республика, которую мы здесь в центре ставим в пример другим республикам...

Под конец Эдвард Гюллинг попросил слова для ответа:

-Товарищи, выражаю сердечную благодарность за дружеские приветствия. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что успех социалистического строительства – это результат труда многих организаций пролетариата, а коммунистическая партия является внутренним стержнем, руководящим организатором. Этого можно добиться, когда каждый делает то, что ему поручил рабочий класс и партия...

Это было сказано очень скромно и, безусловно, правильно.

Именно так:

- Когда каждый честно выполняет свои обязанности.

Эдвард Гюллинг сам был прекрасным примером человека, выполнявшего свои обязанности.

В 1920г в разговоре с Эдвардом Гюллингом о жизнеспособности Карельской Трудовой Коммуны Владимир Ильич Ленин сказал:

- Вам, коммунистам, которым придется действовать на местах, придется напрягать все свои силы, чтобы помочь этому народу, чтобы он мог подняться и освободиться от последствий, длившегося столетиями, рабства».

Такое было напутствие великого Ленина Эдварду Гюллингу, когда он послал его на ответственное задание организовать новую социалистическую национальную республику.

Как потом жизнь показала, Владимир Ильич в своем выборе не ошибся.

Умелый строитель Советской Карелии Эдвард Гюллинг был достоин его доверия.

1973-1983

СОДЕРЖАНИЕ

Э.А. Гюллинг, И.С. Патричева	5
Договор об укреплении дружбы... от 1марта 1918г	8
Ученый и государственный деятель, Ю.К. Лехтинен	12
Пламенный революционер, Н.Минин	17
Жизнь продолжается, Кертту Осипова	22
Страницы жизни Э.А. Гюллинга, Тертту Викстрём	27
Дети Эдварда Гюллинга , Эрkki Кауппила	38
Фотографии из семейных альбомов	41
«Посев», Яаакко Ругоев	61

Сборник статей

Эдвард Гюлинг

Фанни Елена Гюлинг

Подписано в печать: 09.09.2011 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 7,75.
Уч.-изд.л. 8,25. Тираж 100 экз. Заказ № 1085.

ИД № 06506 от 26.12.2001
Иркутский государственный технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Отпечатано: Федеральное государственное унитарное
геологическое предприятие «Урангеологоразведка».
Юридический адрес: 115148, г. Москва, ул. Б. Ордынка, дом 49,
стр.3. ИНН 7706042118
Справки и информация: БФ «Сосновгеология» «Глазковская типография».
Адрес: 664039, г. Иркутск, ул. Гоголя, 53; тел.: 38-78-40, тел./факс: 598-498